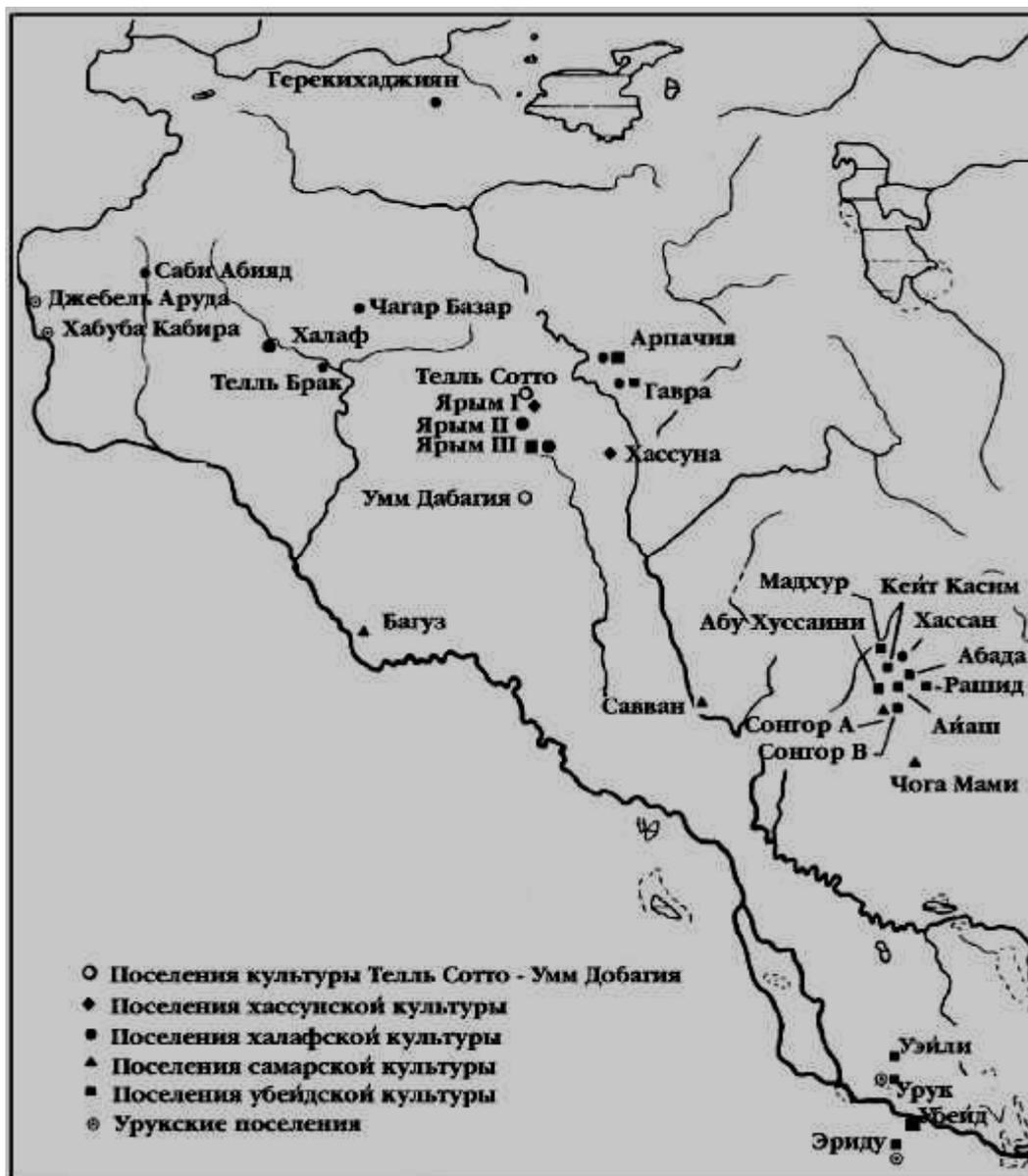

В.И.Гуляев
В стране первых цивилизаций. - М, 1999. - 202 с. с илл.

Впервые я попал в Ирак в апреле 1970 года.

Участники советской археологической экспедиции раскапывали **поселения ранних земледельцев на северо-западе страны, в Синдjarской долине.**

Мосул — вторая столица Ирака, Уммал-рабийян — Город двух весен, как его называют сами жители за хороший климат, особенно приятный осенью и весной. Дразнящие ароматы жарящегося мяса — **тикки** (разновидность шашлыка), шерхата (похожего на бифштекс) и гаса (строганина из жареной баранины с салом)

Ярым-тепе

С тех пор каждую весну, в течение последующих десяти лет (1971—1980 годы), я приезжал в Ирак в составе советской археологической экспедиции для раскопок древних поселений **Синджарской долины.**

В нашей экспедиции были куда более опытные и знающие люди: Рауф Магомедович Мунчаев, Николай Яковлевич Мерперт, Олег Георгиевич Большаков, Николай Оттович Бадер.

При описании исследований советских археологов в Ираке я опирался прежде всего на материалы халафского поселения Ярым-тепе 2, где мне пришлось работать с 1970 по 1976 год. Другие, раскопанные нами в Синджарской долине объекты — хассунское поселение Ярым-тепе-1, предхассунский памятник Телль-Сотто, докерамический поселок VIII—VII тысячелетий до н. э. Телль-Магзалия — и по возрасту, и по научной значимости, вероятно, превосходят мой скромный халафский холм,

С борта самолета на плоской желто-бурой поверхности Иракской равнины можно различить **тысячи больших и малых искусственных холмов — теллей.**

Это — бесценный исторический архив тех тысячелетий, которые отшумели над древней землей Месопотамии. В каждом таком холме скрыты остатки селений и городов, принадлежавших разным народам и разным эпохам.

Глиняные таблички с клинописными текстами донесли до наших дней названия лишь немногих из них: Ур и Урук, Лагаш, Вавилон, Нимруд, Ниневия.

Но как образуются телли и почему внутри их можно найти напластования сразу нескольких древних городов или селений?

В Ираке, как и на Ближнем Востоке в целом, человеку часто приходилось селиться на плоской равнине, которую в любой момент могли затопить либо разливы рек, либо селевые потоки, пришедшие с близлежащих гор. Чтобы хоть немного поднять основания своих жилищ, люди искали любые естественные возвышенности или же ставили дома на глиняные платформы. «Так начинался телль, — пишет известный американский археолог Э. Къера. — Дома строились из необожженного кирпича-сырца и обмазывались глиной. Крыши обычно крыли тростником или соломой, а сверху обмазывали слоем глины, которая не пропускала дождевую воду. Ежегодно, когда заканчивался сезон дождей, наружную обмазку нужно было обновлять. Крыши также покрывали свежим слоем глины. Но вся глина, смытая с крыш и стен домов, оставалась на улице; естественно, уровень улицы постепенно повышался. В древних селениях отходы не убирались... Если в доме что-нибудь перестраивали и ломали стену, все кирпичи этой стены оказывались на улице... К этому следует добавить, что постройки из сырцового кирпича весьма недолговечны. По прошествии определенного времени стены начинают оседать; поддерживать их в порядке оказывается дороже, чем снести и возвести на том же месте новые. Но новый дом, выстроенный на развалинах старого, будет стоять чуть выше, чем прежний. Так постепенно повышается уровень улицы.

Иногда непредвиденные события самым решительным образом ускоряют этот медленный процесс. Большой пожар может за ночь снести целый квартал города. Враг может разрушить поселение и покинуть его, а может и отстроить заново или на следующий год, или через много лет. Поселок, таким образом, оказывается на какое-то время без жителей, но затем в нем вновь селятся люди, те же, что жили там прежде, или другие. В любом случае и при новых обитателях слои отложений будут расти, а холм — становиться все выше..."

И чем древнее телль, тем больше следов и зарубок оставили на нем отшумевшие века и тысячелетия.

По принятой среди археологов традиции каждый такой период получил название той местности или пункта, где проводились первые раскопки. Так появились на свет последовательно сменяющие друг друга этапы и культуры:

Хассуна (VI тысячелетие до н. э.),

Халаф (V тысячелетие до н. э.) и

Убейд (конец V—IV тысячелетие до н.э.).

Как показали полевые исследования Роберта Брейдвуда (США), наиболее ранние поселения земледельцев и скотоводов (Джармо) встречаются только на севере Месопотамии — в горах и предгорьях Иракского Курдистана (Загрос).

Стоит ли удивляться, что и внимание первых советских археологов — **Н.Я. Мерперта и Н.О. Бадера**, приехавших в Ирак с рекогносцировочными целями в 1968 году, привлекли прежде всего северные районы страны, где сформировались и развились древнейшие земледельческо-скотоводческие культуры нашей планеты. Так как северо-восток был уже более или менее охвачен работами американцев (**Р. Брейдвуд** и др., 40—50-е годы), то наши ученые по совету иракских и английских коллег отправились «искать счастья» на северо-запад Ирака, в Синдjarскую долину.

ТЕЛЛИ СИНДЖАРСКОЙ ДОЛИНЫ

В ясный мартовский день, когда воздух, омытый весенними ливнями особенно прозрачен и чист, от старой турецкой крепости, с каменистых холмов, на склонах которых прилепился небольшой городок Телль-Афар, открывается великолепный вид почти на всю Синдjarскую долину. Ровная изумрудная поверхность необозримых полей пшеницы и ячменя обрамлена цепью невысоких гор и прорезана голубыми нитями речушек и ручьев, большинство которых высыхает за время долгого и жаркого иракского лета. С запада долину замыкает Синдjarский хребет высотой около 1250 метров. Его темный силуэт напоминает припавшего к земле фантастического гигантского зверя. Но пожалуй, самая примечательная черта местного пейзажа — искусственные холмы — телли. Их размеры и очертания необычайно разнообразны: треугольные и трапециевидные, овальные и полусферические, огромные и совсем крохотные бугорки, едва заметные среди зелени посевов. Не менее разнообразны и следы тех древних культур, которые скрыты в их глубинах.

Вид на долину, открывающийся с холма в Телль-Афаре, действительно прекрасен. Еще Генри Лэйярд был поражен им, когда в 40-х годах прошлого века, пересекая Северную Месопотамию, он остановился на ночлег в этом городке.

Ранней весной 1968 года на зеленых склонах одного из древних холмов Синдjarской долины, в урочище Ярым-тепе остановился запыленный голубой «лендровер». Два Николая — Н.Я. Мерперт и Н.О. Бадер — вышли из него и внимательно осмотрелись. Место для этой остановки было выбрано далеко не случайно. Всего в восьми километрах к юго-западу от Телль-Афара в степи возвышалось сразу несколько теллей. Один из них был наполовину размыв водами ручья Абра. Отсюда и название всей местности — Ярым-тепе, что означает по-тюркски половина холма. Уже первый осмотр теллей обнадежил исследователей: прямо на поверхности трех из них валялись обломки древней глиняной посуды, относящейся к трем основным этапам развития раннеземледельческих культур Месопотамии: хассунской (первый холм, или Ярым-тепе-1), халафской (Ярым-тепе-2) и, наконец, убейдской (Ярым-тепе-3). На крохотном пятнышке площадью менее одного квадратного километра наглядно запечатлелась почти вся история первых земледельцев.

При этом соблюдалась строгая иерархия: едой поочередно обносились сначала начальник экспедиции Рауф Магомедович Мунчаев (мудир, то есть начальник, как его звали иракцы), потом дохтур Николай (заместитель начальника экспедиции, профессор Николай Яковлевич Мерперт) и т. д., пока свою долю не получали и сидевшие на другом конце стола. Звучные

названия местных арабских яств и сегодня звучат в моих ушах: тимэн (рис), ляблябия (горох), фасолия (понятно без перевода), хасс (кресс-салат), лахам (мясо), **долма (голубцы из виноградных листьев с начинкой из риса и молотого со специями мяса)**, хубуз (хлеб), шакар (сахар) и др.

Казалось бы, за семь лет работы в Ярым-тепе мы уже должны ко всему привыкнуть.

Еще каких-нибудь двадцать пять лет назад все наши познания о предшественниках блестящей цивилизации шумеров на юге Месопотамии (III тысячелетие до н.э.) ограничивались скудными находками с нескольких едва раскопанных теллей:

Эль-Убейд (V—IV тысячелетия до н.э.),

Халаф (V тысячелетие до н.э.),

Хассуна (VI тысячелетие до н.э.) и

Джармо (VII тысячелетие) — вот современные названия тех памятников, которые дали впоследствии свои имена целым дописьменным, или доисторическим, культурам древности.

Совершенно неясным оставались и такие важные вопросы, как точное соотношение упомянутых дошумерских культур во времени и пространстве, их взаимосвязи, наличие преемственности и т. д. Цепь исторического развития в одном из ключевых районов древнего мира оказалась как бы разорванной на части, а логическая связь между ее звеньями — утраченной. Что же происходило на обширных пространствах междуречья Тигра и Евфрата до появления шумерской цивилизации? Каковы истоки последней? — спрашивали друг друга археологи разных стран и не находили ответа. Слишком мало еще имелось тогда надежных научных фактов. Слишком мало еще раскопано было теллей, содержащих слои этой ранней эпохи. И нет ничего удивительного в том, что именно на изучении этих малоизвестных проблем древнейшей истории Месопотамии и сосредоточили свои усилия российские исследователи.

На северо-западе Ирака, в девяти километрах от городка Телль-Афар, в урочище Ярым-тепе, над ровной степной гладью возвышалось сразу несколько теллей с остатками древних поселений. Три из них, судя по лежащим прямо на поверхности черепкам глиняной посуды, относились как раз ко времени существования самых ранних земледельческих культур Ближнего Востока: хассунской (холм Ярым-тепе-1), халафской (холм Ярым-тепе-2) и убейдской (холм Ярым-тепе-3). Холмы Ярым-тепе-1 и Ярым-тепе-2 стали в 1969—1976 годах основными объектами работ нашей экспедиции.

Процесс раскопок в Ираке имеет свои специфические особенности. Месопотамия — классическая страна «глиняных» культур и цивилизаций. **На протяжении многих тысячелетий чуть ли не единственным строительным материалом здесь была глина.**

Из высушенных на солнце сырцовых кирпичей строили древние жители Двуречья и скромные жилища, и величественные храмы, и пышные дворцы. Из глины делали посуду и статуэтки богов, грузила для веретен (пряслица) и литейные формы, остроконечные пули для пращи и печати — знаки собственности, даже серпы и топоры в некоторых районах Ирака изготавливали в древности из глины, обожженной до твердости камня. На глиняных табличках шумеры и вавилоняне записывали бессмертные строки своих поэм и легенд, сухие хозяйственные отчеты и указы грозных царей.

Но глина — очень непрочный материал. За считанные месяцы заброшенные глинобитные дома превращаются в бесформенные оплывшие холмики, неотличимые по цвету и структуре от окружающей лёссовой равнины. Почти в каждом месопотамском телле таких древних глинобитных домов не один десяток. Слои за слоем уходят они в глубины холма, свидетельствуя о неумолимом беге времени, смене веков, поколений, культур.

СЕКРЕТЫ ПРОФЕССИИ

«Говорите на иракском диалекте арабского языка!»

К исходу своего второго сезона пребывания в Ярым-тепе я довольно бойко заговорил по-арабски, причем свои языковые познания мне довелось не без успеха применять и за пределами раскопа: в багдадских и мосульских харчевнях, в магазинах и на базарах.

Начальник нашей экспедиции — Рауф Мунчаев — дагестанец по национальности, он свободно говорит по-тюркски и поэтому легко общался как с жителями окрестных кишлаков, так и с тюркоязычными горожанами Тель-Афара и Мосула.

Археолог же с завидным постоянством стремится «привязать» попавшую ему в руки древнюю вещь к определенному времени. Вопросы хронологии, точный возраст той или иной находки стали для него главным условием, обеспечивающим успех всей дальнейшей работы. Каждый предмет, каждая вещь должны иметь свой паспорт, отвечающий на вопросы, откуда происходит данная находка и к какому времени она относится. Но чтобы заполнить соответствующие параграфы этого своеобразного документа, нужно потратить немало времени и сил.

В археологической практике различают хронологию относительную и абсолютную. Первая призвана определить последовательность бытования тех или иных находок, то есть решить, что было раньше, а что позже. Вторая прямо устанавливает более или менее точный возраст предмета. Относительная хронология основана прежде всего на стратиграфии, то есть на описании последовательности залегания слоев земли с остатками былой человеческой деятельности. Толстый слой мусора на месте древних и долго существовавших поселений напоминает слоеный пирог, который вместо ножа разрезают лопаты археологов. Чем ниже находится в толще земли та или иная вещь, тем она, следовательно, старше по возрасту. Другой, чисто археологический метод, использующийся для этих целей, — типология, или составление последовательных рядов, отражающих развитие определенных типов вещей во времени и пространстве, от самых простых до самых сложных форм. Абсолютная хронология прежде целиком строилась на весьма туманных сведениях письменных источников. Только появление в начале 50-х годов радиоуглеродного метода датировки древних объектов (метод С14) изменило ситуацию. Физики великодушно протянули руку помощи археологам. И известная до сих пор граница ранней истории человечества стремительно покатила вниз — к времени верхнего палеолита.

Вокруг нас, на различном удалении, располагалось несколько глинобитных дереушек:

Кызыл-Махраб, Кызыл-Куйюк, Хорабджаш.

Однако, на этот раз доктор Такхи приехал в Ярым-тепе совсем с другой целью. Он торжественно пригласил всех членов экспедиции на праздничный обед в селение Абу-Сенам, расположенное километрах в сорока к юго-западу от лагеря, в самом сердце Синджарской степи — Эль-Джезиры. Пиршество, как потом выяснилось, давал глава местного арабского племени в честь доктора Такхи, успешно вылечившего от какой-то опасной болезни его племянника. Возможность побывать в гостях у бедуинов, хотя и испытавших на себе могучее влияние современной цивилизации, была слишком заманчивой, и мы без колебаний согласились.

Взрели моторы автомашин, и вот мы уже в пути. Впереди, на элегантном лимузине "Вольво", торжественно восседали доктор Такхи и наше руководство — Рауф Магомедович Мунчаев, Николай Яковлевич Мерперт и **азербайджанский археолог Идеал Нариманов.**

Фигурный флакон — вещь уникальная: аналогий ей нет ни на одном из известных науке месопотамских памятников V тысячелетия до нашей эры. Поражают необычайное совершенство и тонкость художественного исполнения самой скульптуры. Ее можно с полным основанием отнести к числу наиболее выдающихся произведений древнейшего

искусства северо-западного Ирака. Ведь до этого времени мы встречали здесь только грубые и сильно стилизованные фигурки женских божеств, не идущие по своим художественным достоинствам ни в какое сравнение с последней находкой. Наконец, чуть ли не впервые мы получили возможность судить об украшениях и прическе халафских женщин, живших без малого шесть с половиной тысячелетий назад.

За шесть предыдущих лет мы нашли в этом теле лишь одну целую и два обломка глиняных фигурок. А в этом сезоне — три, причем абсолютно целых. Теперь же передо мной лежал четвертый, и едва ли не лучший из всех экземпляров древней скульптуры.

ПЕЧИ ДРЕВНИХ ГОНЧАРОВ

Еще с момента открытия первых халафских памятников на территории Северной Сирии и Ирака ученых волновал вопрос: с помощью каких технических средств изготавливали халафцы свою прекрасную керамику? Если ее обжиг осуществлялся на кострах или в примитивных очагах, то как в таком случае объяснить поразительное совершенство и тонкость халафской гончарной продукции?

И вот наконец настал день, когда мы смогли ответить и на этот сложный вопрос. В нижних слоях древнего поселения Ярым-тепе-2 удалось обнаружить сразу две прекрасно сохранившиеся глиняные печи для обжига керамики. Круглые в плане, эти сооружения имели довольно сложное устройство. Диаметр их достигал 1,8 метра. Печи состояли из двух ярусов: нижнего, где находилась топка, и верхнего — собственно обжигательной камеры. Ярусы отделялись друг от друга массивной глиняной плитой, в которой были устроены округлые в сечении продухи. Именно через них, по специальным каналам, горячий воздух снизу равномерно заполнял камеру обжига, создавая внутри очень высокую температуру — порядка 1200 градусов по Цельсию.

Подобные сооружения, да еще столь хорошей сохранности, на поселениях V тысячелетия до н.э. были обнаружены в Ираке впервые.

«Давным-давно, много столетий назад, — гласит старинное шумерское предание, — на Земле царили мир и покой. Не было жалящих змей, не появлялись ядовитые скорпионы... Все люди говорили на одном языке и жили в мире друг с другом. Не было страха и зависти. Никто не нападал на соседа и не проливал его крови. Люди имели в изобилии пищу и одежду, достававшиеся им без труда и усилий». И этот золотой век, по представлениям шумеров, приходился как раз на те времена, когда в Месопотамии господствовали раннеземледельческие культуры Халафа и Убейда.

Позднее библейские пророки единодушно помещали здесь, в междуречье Тигра и Евфрата, знаменитый рай, в тенистых кущах которого беззаботно гуляли когда-то Адам и Ева. Согласно библейской хронологии, рай существовал примерно в V тысячелетии до н.э., то есть опять-таки в период расцвета названных культур. И хотя реальная жизнь людей той отдаленной эпохи, как мы знаем, меньше всего походила на райскую, заметные сдвиги во всех областях духовной и материальной культуры халафцев — факт несомненный.

Для халафского периода характерна резкая перемена в облике жилых и хозяйственных построек. Вместо прямоугольных сооружений предшествующей Хассуны (VI тысячелетие до н.э.) появляются круглые в плане глинобитные дома с массивными стенами. Археологи называют их **толосами** из-за сходства со знаменитыми купольными гробницами (правда, каменными) Греции крито-микенского периода. Долгое время в науке шел спор о том, каково действительное назначение этих странных на вид зданий. Одни ученые считали их храмами и святилищами, другие — погребальными мавзолеями жрецов и вождей.

Только находки на Ярым-тепе-2 окончательно доказали, что наиболее крупные толосы, диаметром пять-шесть метров, служили жилищами. Внутри их нами были обнаружены очаги, жаровни, такие же, как на Кавказе и в Средней Азии, глиняные

печи-тануры для выпечки лепешек, различная утварь, хозяйственный мусор — кости животных, угли, зола, черепки битой посуды. Удалось реконструировать и сложное устройство крыши таких толосов. В одном из зданий были найдены куски глиняной обмазки с четкими отпечатками вертикально связанных снопов тростника. Следовательно, толосы имели высокую коническую тростниковую крышу, которая обеспечивала быстрый сток дождевой воды и придавала зданию устойчивость во время ветров и бурь.

А вскоре в ходе раскопок мы нашли в глубинах холма черепки расписного глиняного сосуда, на поверхности которого неизвестный древний художник тонкими уверенными штрихами темно-коричневой краски запечатлел внешний вид типичного халафского толоса с высокой конической крышей и цветущие деревья вокруг него.

Жилые дома имели двери, деревянная рама которых вращалась вокруг вертикальной оси благодаря специальному «подпяточному» камню с углублением посередине. Высокие пороги таких дверей служили у местных хозяек предметом особых забот. Они периодически подмазывали и подправляли их с помощью глины и гипса. Узкие улочки-коридоры, имевшие часто менее одного метра в ширину, соединяли отдельные постройки в общий архитектурный ансамбль — причудливое и хаотическое скопление множества прямоугольных и круглых построек различной величины и назначения. К жилым домам примыкали многочисленные хозяйственные помещения. В них древние обитатели поселка хранили домашнюю утварь, орудия труда, оружие, зерно на ближайшие нужды, посуду. Для длительного хранения зерно после сбора урожая ссыпали в огромные керамические сосуды — хумы, врытые в землю, или же в глубокие зерновые ямы с глиняной обмазкой внутри.

Все основные виды хозяйственной деятельности древнего населения Южной Месопотамии в IV—III тысячелетиях до нашей эры. Это земледелие, скотоводство, охота, рыболовство, садоводство и др. Но точно такую же картину можно было увидеть в тот период и на севере страны, в Северной Месопотамии, где для того, чтобы взошли посевы вполне хватало дождевой влаги зимнего сезона. По-видимому, хозяйство обитателей этих мест вряд ли сколько-нибудь существенно отличалось от земледельческо-скотоводческой экономики халафских племен V тысячелетия до н. э. Так было и в Синджарской долине.

Благодаря большому количеству находок на халафском поселении Ярым-тепе-2, рассказывающих о древнем земледелии, мы в состоянии восстановить теперь почти весь цикл сельскохозяйственных работ той далекой эпохи — от жатвы до конечной обработки продуктов. Ячмень и пшеницу (их обугленные зерна сохранились в некоторых глиняных сосудах и ямах) жали серпами, в костяную или деревянную рукоять которых прикрепляли битумом или смолой тонкие пластинки кремня и обсидиана. Полученное зерно клали на слегка вогнутые базальтовые каменные плиты и перемалывали тяжелыми круглыми валиками из того же камня. Для приготовления теста использовали специальные глиняные тазы с низким бортиком. Лепешки — тонкие и плоские, похожие на современные чуреки, — пекли в глиняных печах-танурах.

Другим важным видом хозяйственной деятельности у жителей халафского поселка Ярым-тепе-2 было скотоводство. Они разводили коров и быков, овец, коз и свиней. Во всяком случае мы находили в семиметровой толще культурного слоя и кости домашних животных, и изображения некоторых из них в виде глиняных статуэток и скульптур.

Были там и кости диких животных и птиц — газели, горного кабана, крупных дроф, гусей, рыб.

В район Ярым-тепе, где особенно много древних теллей.

Мы не раз находили при раскопках Ярым-тепе-2 крохотные, до блеска отполированные каменные топорики-амулеты, с помощью которых древние земледельцы пытались защитить себя от смертельных ударов стрел молний, посылаемых разгневанным богом грозы. Но самым главным божеством, олицетворяющим плодоносящие силы природы, была у халафцев, бесспорно, богиня-мать. Она обычно изображалась (если не считать уникального флакона-скульптуры) в виде вполне земной, крепкой и полной женщины, с намеренно подчеркнутыми признаками пола.

Свои помыслы и чаяния древний земледелец запечатлел и в виде орнамента на глиняной посуде: **волнистые линии и зигзаги — символ воды, ромбики и квадраты с точками внутри — засеянное поле, круг с лучами и точками вокруг — солнце, косые и вертикальные линии, как бы падающие сверху вниз, — потоки дождя, кресты, розетки, лепестки — символ цветущей растительности.**

Иногда на поверхности изящных халафских ваз встречаются изображения всевозможных зверей и птиц: грифов, нападающих на оленей, леопарда, грозно поднявшегося на задних лапах, большой, похожей на сазана, рыбы, змеи — да еще какой! Настоящей царицы змей! Я был просто потрясен, когда среди грубых добытых за день черепков вдруг увидел фрагмент изящной чаши со светло-желтой гладкой поверхностью. На ней блестящей черной краской с удивительным реализмом была изображена мрачная фигура кобры с раздувшимся от гнева капюшоном.

Работы на Ярым-тепе-2 продолжались уже восьмой год. Все глубже уходили в толщу древнего холма строгие квадраты раскопов. Вот пройдено пять метров культурного слоя (если считать от вершины телля — так называемой нулевой точки), шесть, шесть с половиной, а находки все идут и идут, и притом какие находки! Нижние напластования холма — самые интересные для исследователя, ведь это начальная стадия в жизни древнего поселения. Именно здесь первые халафские колонисты заложили фундаменты своих домов и святилищ. Именно сюда, к материку, уходят и основания многих ям, хранящих на дне интереснейшие наборы наиболее древних вещей.

С большим нетерпением ждали все мы — и археологи, и рабочие — появления в раскопе **материка — слоя земли, который не содержит следов человеческой деятельности.** Наконец в 1975 году в одном из десятиметровых квадратов нашего раскопа на глубине 680 сантиметров от вершины холма мы вышли на материк. И можно понять нашу общую радость, когда, словно с каравеллы первопроходцев эпохи Великих географических открытий, вдруг раздался громкий крик Халафа Джасима: «Джабалия, дохтур! Мия билль мия, аку джабалия!» (Материк, доктор! Несомненный материк!).

Потом материк появился и на других участках. Работы на огромном, в 600 квадратных метров, раскопе явно близились к концу. Наконец-то итоги восьмилетних работ на халафском телле Ярым-тепе-2 предстали перед нами особенно внушительно и наглядно: пробита вся многометровая толща культурного слоя, и история одного безыменного земледельческого поселка на севере Месопотамии читалась теперь нами достаточно уверенно.

И если бы меня спросили тогда о наиболее сильном моем впечатлении от зрелища раскопанного телля, то я без колебаний ответил бы так: стабильность и преемственность в развитии культуры халафского поселка на всем протяжении его существования. А существовал он по меньшей мере два или три столетия. Большие толосы возводили всегда примерно на одном и том же месте, определенном традицией, так что если посмотреть на высокую стенку борта раскопа, то они образуют как бы единую колонку, незначительно отклоняясь в ту или иную сторону. Точно так же жители поселка совершали в одном определенном месте захоронения умерших детей, рыли хозяйственные ямы, возводили печи

для обжига керамики. Налицо преемственность в формах и орнаментации керамики, домостроительства, ритуалах.

Но самое поразительное состоит в том, что очень близкий хозяйственно-бытовой уклад жизни мы можем и по сей день наблюдать в многочисленных мелких деревушках, окружавших наш тель в Ярым-тепе: здесь и сходные с древними глинобитные дома из сырцового кирпича, и куполообразные печи-тануры для выпечки хлеба, и отдельные приемы хозяйственной деятельности.

ХАССУНА И ХАЛАФ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОСВЯЗИ

После того как археологи выявили и частично раскопали несколько памятников хассунской и халафской культур, возник вопрос об их соотношении во времени и пространстве. Собственно говоря, с самого начала считалось, что хассунские телли — более ранние, нежели халафские. **Но точный их хронологический диапазон и взаимосвязи долго оставались неизвестными.**

Наши работы в Ярым-тепе на холмах номер один и номер два отчетливо показали, что между Хассунной и Халафом не было никакой культурной преемственности.

Налицо — полная и резкая смена одной, более ранней традиции (хассунской) другой — пришлой и чуждой (халафской). Эти различия проявляются и в разной по стилю керамике, в типах статуэток, в характере домостроительства (прямоугольные хассунские и круглые халафские жилища). Более того, на вершине холма Ярым-тепе-1 был обнаружен могильник халафского времени, с типично халафскими вещами. Естественно, что появиться там он мог только в том случае, если хассунское поселение было уже давно заброшено.

Полевой сезон 1976 года подходил к концу. Через две недели нам предстоял отъезд на родину. И я решил сделать скачок на 25—30 метров к югу от основного раскопа и заложить там пробный шурф. Холм здесь уже почти заканчивался, и мощность культурного слоя составляла чуть более двух метров от поверхности до материка. Стратиграфические шурфы копаются археологами обычно «по штыкам», или по искусственным слоям, на высоту штыковой лопаты, то есть на 20—25 сантиметров.

Верхние три штыка в моем шурфе содержали керамику нововавилонского и парфянского периодов (VII век до н.э. — начало н.э.), потом пошел халафский материал.

Первый хассунский черепок попался только в шестом штыке.

С восьмого штыка Хассуна стала явно преобладать над Халафом.

Потом мы наткнулись на довольно мощную стенку круглого здания — толоса, под которым шел тонкий слой, содержащий только хассунские находки. Итак, цепь доказательств сомкнулась. Наш многолюдный халафский поселок возник не на ровном и пустом месте. Его первые жители выбрали в духе чисто месопотамских традиций для закладки своих жилых домов небольшой холмик, стоявший на берегу ручья и скрывавший в своей глубине остатки скромного хассунского поселения.

Ведь если европейская культура испытала на себе сильное (хотя и не прямое) воздействие месопотамской цивилизации, то истоки последней следует искать в Хассуне, Халафе и Убейде!

Холм Ярым-тепе-2, раскопки которого были полностью завершены в 1976 году, — это лишь один из нескольких памятников древности, исследованных советскими археологами в Синджарской долине. Неподалеку находится более ранний тель — поселение Ярым-тепе-1, относящееся к хассунской культуре. Именно этот холм и был в течение многих лет главным объектом работ нашей экспедиции.

К западу от урочища Ярым-тепе найдены и раскопаны еще два интереснейших памятника ранних земледельцев Ирака — Телль-Сотто и Кюль-тепе.

Наконец, в 1978 году, в десяти километрах к северо-западу от нашего лагеря, на стыке предгорий и равнины, был обнаружен совершенно уникальный памятник докерамической эпохи — **Телль-Магзалия, существовавший, по предварительным данным, в VIII — VII тысячелетиях до н. э.**

Именно в результате этих полевых исследований нам удалось воссоздать в общих чертах непрерывную цепь развития местных земледельческо-скотоводческих культур, от их начальных этапов (**Магзалия, VIII тысячелетие до н.э.**) и до порога цивилизации (**убейдские слои телья Ярым-тепе-3, конец V—IV тысячелетие до н.э.**).

Пока же следует сказать несколько слов об общем значении многолетних работ советской археологической экспедиции в Северной Месопотамии.

Опираясь на многочисленные археологические находки, мы можем сейчас уверенно говорить о том, что именно древние обитатели Северного Ирака первыми в мире научились земледелию и скотоводству, построили постоянные поселки из деревянных, глиняных и каменных домов, заложили прочный фундамент для успешного развития многих сторон материальной и духовной культуры человечества.

«При этом следует учитывать, — подчеркивают Р.М. Мунчаев и Н.Я. Мерперт, — безусловно первичный характер месопотамского очага цивилизации, экономические, социальные и культурные явления которого оказались результатом прежде всего внутренних процессов, не нарушавшихся и не искаженных решающими сторонними воздействиями. Все это позволяет говорить об особом значении материалов Месопотамии для разработки коренных проблем древнейшей истории человечества, для изучения основных ее закономерностей».

Сложность наших первых шагов на ниве месопотамской археологии заключалась в том, что мы просто не имели права потерять свое лицо перед другими иностранными экспедициями, работать менее успешно, чем они. И надо сказать, что свои «археологические» университеты в Ираке мы прошли достаточно быстро и хорошо. Видимо, здесь сыграл свою роль и общий, весьма высокий уровень профессиональной подготовки всех членов экспедиции, их энтузиазм, готовность учиться всему новому и полезному, работать самозабвенно, не считаясь со временем и с затратой сил. Об уровне профессиональной квалификации нашего научного состава красноречиво свидетельствует такой факт: к 1980 г. из восьми научных работников экспедиции (девятым был шофер) четверо были докторами и четверо — кандидатами исторических наук. Подобной концентрацией научных сил не могла похвалиться ни одна другая экспедиция — будь то советская или иностранная.

Внесли свою лепту в общие успехи экспедиции и другие участники. Прежде всего руководители — Рауф Магомедович Мунчаев, с его богатым опытом исследований памятников Закавказья, и Николай Яковлевич Мерперт, исколесивший к тому времени половину Евразии и копавший в Нубии, на севере Африки.

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

«Огромна роль Ближнего Востока в мировой истории, — пишет известный археолог В.М. Массон. — Цивилизации Шумера, Египта, Ассирии, Вавилона с полным правом открывают золотую книгу величайших достижений человечества. Но последние открытия показали, что этот приоритет восходит к еще более отдаленному про-шлому, когда в глубине пещер и в шалашах закладывался подлинный фундамент цивилизации, ее экономическая основа. Как показывают новые материалы, именно на территории Ближнего Востока в X—VIII тысячелетиях до н.э. безвестные новаторы сделали первые шаги по пути создания экономики нового типа».

Еще каких-нибудь 30—40 лет назад все солидные научные монографии и статьи по археологии Месопотамии хранили полное молчание о начальных этапах дописьменной (дошумерской) истории Ирака. Археологические работы велись здесь главным образом на юге страны, на Месопотамской равнине, то есть там, где древнейшие находки, если даже они имелись, были погребены под мощными аллювиальными отложениями. Крайне ограниченные раскопки самых нижних слоев в нескольких теллях дали археологам некоторые исходные материалы для создания самой общей схемы развития раннеземледельческих доисторических культур, предшествовавших появлению шумеро-аккадской цивилизации (Хассуна, Халаф, Убейд). Но все они относились уже ко вполне сложившимся оседлым земледельческим обществам и занимали во времени не более чем 2500 лет, если считать от момента появления в конце IV тысячелетия до н.э. в междуречье Тигра и Евфрата первых шумерских городов-государств. Ранняя доистория Месопота-

80
мии — заря ее земледельческой эры — оставалась до недавних пор практически неизвестной.

Становилось все более очевидным, что именно в этот темный период (между мезолитом, то есть 12—10 тысяч лет до н.э., и сложением Хассунско-Самаррской культуры в 6-м тысячелетии до н.э.) в ряде областей Ближнего Востока, в зоне так называемого Плодородного полумесяца, происходили те крупные процессы и изменения, которые, в конечном счете, привели к формированию основ земледельческо-скотоводческого хозяйства и всего уклада оседлой жизни в регионе. Между этим последним периодом и периодом, предшествующим ему, лежит весьма важная качественная грань — человечество впервые смогло перейти от простого присвоения продуктов природы с помощью охоты, рыболовства и собирательства к производству пищи (земледелию и скотоводству).

Фридрих Энгельс называет этот переломный момент в жизни древнего человека первым крупным общественным разделением труда, подразумевая под этим выделение из массы охотников и собирателей земледельческо-пастушеских племен. Некоторые зарубежные археологи, вслед за англичанином Гордоном Чайлдом, употребляют для обозначения того же эпохального события термин неолитическая революция. Последний, возможно, несколько непривычен по форме, но зато очень точно отражает всю важность совершившегося переворота, связывая его к тому же с определенной археологической эпохой — неолитом. Неолитическая революция, вернее, ее кульминационный момент характеризуется появлением в жизни людей трех новых значительных элементов: земледелия и скотоводства (как основы хозяйства), постоянных поселков из наземных жилищ и изготовления глиняной посуды. Земледелию отводится при этом решающая роль, поскольку керамика, считавшаяся ранее одним из основных признаков неолита, встречается далеко не у всех ранних земледельческо-скотоводческих общин, но в то же время знакома многим племенам охотников и собирателей. Таким образом, переход от присвоения готовых продуктов природы к их производству бесспорно стал одним из решающих событий в истории человечества. В результате неолитической революции резко изменились условия развития человеческой культуры, изменилась окружающая человека природная среда, да и сам он, как биологическое и социальное существо, подвергся заметной трансформации.

81

Итак, мы знаем теперь и место действия неолитической революции — Ближний Восток (зона «Плодородного полумесяца»), и ее время — X - VI тысячелетия до н.э. Однако число

вопросов и загадок от этого отнюдь не уменьшается. Что заставило охотников и собирателей Ближнего Востока культивировать некоторые растения и одомашнивать животных? В какой природно-географической среде происходил неолитический переворот? Каков был специфический механизм этого перехода от традиционных форм добывания пищи к новым, более прогрессивным? Сколько очагов производящего хозяйства возникло первоначально в указанном регионе — один, два, несколько?

«Переход к земледелию и скотоводству, — отмечает В.М. Массон, — был обусловлен как благоприятным экологическим фоном, так и предпосылками, складывающимися в среде самого человеческого общества. К числу последних следует отнести достаточно высокий уровень техники и зачатки положительных знаний, развитое охотничье-собирательское хозяйство, значительную плотность населения, затруднявшую экстенсивное использование охотничьих угодий. Возможно, в ряде областей имел место даже кризис охотничьего промысла. Только сочетание этих факторов приводило к сложению экономики нового типа».

Природный фактор на разных стадиях неолитической революции играл далеко не однозначную роль. На раннем этапе выделяются области, природные условия которых всемерно способствовали возникновению земледелия и скотоводства. Это были прежде всего места, благоприятные для жизни человека и обладавшие исходными естественными ресурсами растений и животных, годных для одомашнивания. Неудивительно поэтому, что все ранние памятники эпохи неолитической революции приурочены на Ближнем Востоке к строго определенным природным зонам. Таков был, например, дубово-фисташковый лесной пояс в горах и предгорьях Загрота, в Иракском Курдистане, на высоте от 600 до 1350 метров. Именно здесь находилась область естественного произрастания многих видов диких злаков, включая пшеницу и ячмень, а также бобовых. Общего количества годовых осадков было вполне достаточно для развития богарного земледелия. Здесь же, судя по находкам костей на некоторых местных стоянках и поселениях, обитали и многие виды полезных животных: козел, баран, кабан и дикий бык.

82

Отчетливые следы этих ранних охотничье-собирательских групп с зачатками новой экономики были найдены в 50-х годах на севере Ирака, в горных районах Курдистана американскими археологами Робертом Брейдвудом и Ральфом Солецки. Последний, после сенсационных открытий неандертальских захоронений в пещере Шанидар, обнаружил неподалеку от входа в пещеру открытую древнюю стоянку — Зави-Чеми-Шанидар. Она, по данным радиоуглеродных анализов, относится примерно к 9-му тысячелетию до н.э. Исследователи обратили внимание на необычайное обилие костей животных в слое стоянки. Лабораторный анализ показал, что подавляющее их большинство принадлежит овцам. Причем три пятых всех особей были моложе одного года. Это бесспорно свидетельствует о том, что овцы были уже домашними: молодых ягнят забивали, чтобы можно было доить маток.

Большой интерес представляет и комплекс орудий труда из Зави-Чеми-Шанидара: грубые каменные зернотерки, шлифованные топоры, серпы в виде кремнёвых ножевидных пластин-вкладышей, прикрепленных к костяной рукояти с помощью битума или смолы. Мы не знаем, какие именно злаковые растения жали этими серпами жители стоянки. Неизвестно и то, были ли эти злаки дикими или культурными. Тем не менее первые шаги к формированию новой производящей экономики земледельческо-скотоводческого типа представлены здесь достаточно четко.

Еще более важными оказались результаты многолетних работ большой археолого-ботанической экспедиции во главе с Р. Брейдвудом в Иракском Курдистане (проект «Ирак—Джармо»). Впервые в истории ближневосточной археологии геологи, климатологи, зоологи и ботаники предприняли совместно с археологами комплексное исследование природной среды, окружавшей первобытного человека. Их открытия позволили сделать вывод, что экология того времени существенно отличается от современной.

Вот как описывает Р. Брейдвуд древний ландшафт этого края: «Есть все основания полагать, что в позднем доисторическом и в начале исторического (примерно конец V — начало IV тысячелетия до н.э. — В .Г.) периодов от Центральной Палестины через Сирию и до

Восточного Ирака тянулась полоса почти сплошных горных и предгорных лесов, местами густых, местами разреженных, «парковых». В горах зимой выпадало большое количество осадков; здесь росли большие, широколиственные деревья, а подлесок представ-

83

лял собой непроходимую чащу. То был поистине первобытный лес, остатки которого теперь сохранились лишь на немногих пологих склонах гор, вдали от деревень. У подножия гор и на равнинах росли, по-видимому, разреженные леса, где преобладал дуб...»

Что касается фауны этого периода, то, судя по данным из поселка Джармо, местные жители могли заниматься охотой и на поросших травой лугах, и в окрестных лесах, и в дебрях высокогорья. Из числа животных, кости которых найдены при раскопках, некоторые, как, например, дикий кот, уже полностью исчезли. Другие, такие, как олень, леопард или медведь, приспособленные к жизни в лесах, теперь, когда лесов почти не осталось, близки к исчезновению. Продолжают существовать, несмотря на постоянную охоту на них, дикая свинья, волк, лисица, а также дикая коза и газель. «В наши дни, — пишет Брейдвуд, — в долине Чамчамала, как равнина, так и предгорья которой были прежде покрыты лесом, трудно встретить даже кустарник. Карликовый дуб не успевает достичь высоты и шести футов (около двух метров), как его срубают собиратели топлива. Поскольку леса и кустарника не стало, а трава каждую весну выщипывается скотом, почва по большей части оползает в реки, превращаясь в ил. Зимой она, едва успев образоваться, смывается со склонов дождями, которые гонят по земле потоки шоколадного цвета...»

Таковы были хотя и отдаленные, но негативные последствия неолитической революции — разрушительной деятельности земледельческо-скотоводческих общин — на окружающую природную среду.

ДЖАРМО

Особо важное значение для ближневосточной археологии имели раскопки экспедиции Р. Брейдвуда на двух археологических памятниках Иракского Курдистана — в Карим-Шахире и Джармо. Древнее поселение Карим-Шахир расположено к северу от города Чамчамала в Киркукском губернаторстве. Точно определить его возраст не удалось. Но, судя по аналогиям с находками из самых ранних слоев Иерихона (Палестина), Карим-Шахир относится еще к мезолитическому периоду (IX тысячелетие до н.э.) и представляет собой хотя и открытую, но временную, сезонную стоянку. Главными источниками питания местных жителей были охота, собирательство и рыбная ловля. Наличие серпов с кремнёвыми вклады-

84

шами и грубых зернотерок в слое стоянки не может служить решающим аргументом в пользу появления земледелия. Присутствие таких орудий свидетельствует о переработке злаков, но не об их возделывании. К числу новых технических достижений обитателей Карим-Шахира нужно отнести появление шлифованных каменных топоров и грубых глиняных статуэток. Этот памятник — порог, с которого и начиналась неолитическая революция. А явственные следы более высокой ее стадии демонстрирует нам поселение Джармо, относящееся к первой четверти VII тысячелетия до н.э. По словам Р. Брейдвуда, Джармо целиком подпадает под категорию «первичных, подлинно оседлых земледельческих общин» Загрота.

Само поселение занимает площадь около 1,2 гектара и расположено на полуразрушенном выступе плато, нависающем над глубоким ущельем. Толщина культурного слоя достигает 7,6 метра. Авторы раскопок выделяют в нем 12 строительных этапов. Обломки керамики встречаются лишь в верхней трети почти восьмиметровой толщи слоя. Предположение о существовании в Джармо развитого земледелия, основывавшееся на находках каменных орудий для жатвы и размалывания злаков, подтвердилось позднее находками зерен культурных растений, в том числе пшеницы Эммера и двурядного ячменя.

Поселения культуры Джармо обнаружены в горных долинах и на плоскогорьях, в местах, удобных для посевов злаков и выпаса скота. Таковы само Джармо и Телль-Шимшара. Со временем отдельные земледельческо-скотоводческие общины проникают из предгорий на

окраины Месопотамской равнины (Темирхан). Однако подлинным центром этой культуры были именно горные районы Загроса, где находилась зона произрастания диких злаков, а естественных осадков вполне хватало для посевов пшеницы и ячменя. Здесь же обитали горные козлы, бараны и кабаны, служившие для местных жителей объектом охоты еще со времен палеолита. После приручения эти животные составили основу стада горцев Северного Ирака.

В культуре Джармо тесно сочетается старое и новое, прогрессивное и архаическое. Кремнёвые и костяные орудия жителей Загроса — это почти полностью наследие североиракского мезолита — проколки, иглы и вкладышевые орудия, но среди последних на первое место выдвигается уже изогнутый серп, а не жатвенный прямой нож, как у натуфийских племен Палестины эпохи мезоли-

85

та; наследием далекого прошлого является и многочисленный набор скребков, применявшихся при обработке шкур. Но облик культуры в целом определяли уже отнюдь не архаические черты. Переход к земледелию привел к оседлости, к появлению глинобитных жилых построек. Дома, построенные из глины с примесью соломы, становятся удобным и надежным убежищем для местных племен, окончательно забросивших свои прежние пещерные жилища. Пока еще очень скромное, но довольно устойчивое благополучие и даже стремление к некоторому уюту характеризует интерьер этих домов. Массивные очаги служили и для обогрева помещений, и для выпечки хлеба. Камни с выемкой для оси дверной створки в углу входного проема указывают на существование деревянных дверей; пол нередко окрашивался в красный цвет или промазывался гипсом. Обработка растительной пищи требовала значительного количества посуды. И вскоре на смену изящным каменным кубкам, чашам и вазам пришла керамика — неорнаментированная, гладкая или с нехитрым узором, нанесенным полосами краски. Новые способы получения продуктов питания оставляли довольно много свободного времени и для других дел. Показательно появление именно в это время каменных и глиняных фишек для какой-то игры, а также культовых глиняных фигурок женщин и различных животных, что указывает на начало расцвета искусства неолитических племен Северной Месопотамии.

«Решающий рубеж, — отмечает известный историк ИМ. Дьяконов, — в создании экономики воспроизводства продукта был пройден, и хотя еще медленно, но начинается процесс всестороннего использования открывшихся перспектив». И одним из наиболее ярких его проявлений явился широкий выход горцев Загроса и Синджара на просторы северо-месопотамской равнины. Началось интенсивное освоение новых плодородных земель, заметно ускорившее весь ход культурного развития местных земледельческо-скотоводческих общин и вплотную приблизившее их к порогу цивилизации.

ТЕЛЛЬ-МАГЗАЛИЯ — ХОЛМ СТРЕКОЗ

В 1977 году нашей экспедицией был открыт один из древнейших на Ближнем Востоке памятников ранних земледельцев — Телль-Магзалия, что в переводе с арабского означает Холм Стрекоз. Этот восьмиметровый холм расположен в отрогах Синджар-

86

ского хребта, на краю живописного и глубокого ущелья, которое прорыла себе за долгое время норовистая речка Абра перед тем, как вырваться на равнину. Почти половина телля уже разрушена рекой, а уцелевшая часть, площадью свыше одного гектара, на две трети занята современным мусульманским кладбищем. Таким образом, свободной для раскопок осталась лишь совсем незначительная, северная, часть древнего поселения. И это было особенно обидно, поскольку Магзалия — телль совершенно необычный: в его восьмиметровой толще не содержалось ни одного черепка глиняной посуды, а все аналоги для найденного материала недвусмысленно говорили о том, что перед нами — докерамический неолит весьма почтенного возраста, конца VIII — первой половины VII тысячелетия до н.э.

Собственно говоря, мы могли открыть этот уникальный археологический памятник и раньше. Во время наших разведок 1971—1973 годов я и Николай Бадер видели высокий, с крутыми склонами телль по другую сторону ущелья, но решили, что это халафский или

убейдский холм. Нас смутили и высота, и общие его размеры. Понадеявшись на свою правоту, мы поспешили дальше в горы, на поиски более ранних поселений, нежели те, что раскапывались нашей экспедицией в районе Ярым-тепе, в десяти километрах к юго-западу от Магзалии.

Николай Бадер, проезжая очередной раз мимо злополучного телля, вдруг остановился и решил осмотреть его повнимательнее. После первого же взгляда на разрез холма он с удивлением обнаружил там каменные фундаменты массивных жилых домов, массу изделий из кремня и обсидиана и ни одного обломка керамики. Неужели докерамический неолит?

Начались раскопки, и сенсационные находки и открытия не заставили себя долго ждать. Действительно, керамики на Магзалии не оказалось, но основу хозяйственной деятельности ее обитателей явно составляло уже земледелие. В культурном слое поселения, особенно возле очагов, найдено много зерен возделываемой пшеницы-двузернянки, ячменя и сорняков, сопровождающих обычно культивируемые злаки. Был получен также и характерный набор соответствующих орудий и приспособлений: обмазанные гипсом зернохранилища, хлебные печи, кремнёвые и обсидиановые пластинки — вкладыши для деревянных и костяных серпов, антропо-

87

морфные глиняные фигурки, символизирующие плодородие.

Много встречалось в ходе раскопок и костей различных животных. Правда, зоологи должны еще определить, были ли известны жителям Магзалии домашние животные. Как бы то ни было, но охота во многом сохраняла свое значение в хозяйственной деятельности магзалийцев: очень часты в культурном слое находки крупных костей зубра. Охотились, вероятно, с помощью лука и стрел. В толще телля обнаружены десятки кремнёвых наконечников стрел, скребки для обработки звериных шкур, костяные проколки, шлифованные каменные топоры. Причем 90 процентов всех орудий изготовлено из обсидиана, ближайшие месторождения которого находятся за несколько сот километров от предгорий Синджара, в юго-восточной Анатолии (Турция).

Словом, вроде бы на поселении всецело господствует каменный век с давними, восходящими еще к мезолиту и верхнему палеолиту традициями обработки камня. Даже посуда изготовлялась из камня и гипса: в нашей коллекции есть обломки великолепных резных сосудов из красного и белого мрамора. И вместе с тем все говорит о явном наличии земледелия, в котором использовался уже целый набор полезных растений (мягкая и твердая пшеница, ячмень). Вопрос о том, были ли уже одомашнены в Магзалии животные, остается пока открытым. Но поразительно другое: жители этого древнейшего на Ближнем Востоке земледельческого поселка знали уже, как обрабатывать металлы. Мы нашли здесь несколько кусочков медной руды и кованое медное шило.

Жилые постройки, вскрытые на телле в ходе раскопок, представляли собой большие (площадью до ста квадратных метров) дома на каменных массивных фундаментах с глинобитными стенами. Как и в современных деревнях Ирака, полы и стены домов часто обмазаны гипсом. Судя по отпечаткам, найденным в завалах построек, крыши делали плоскими из тростника и гипса. Перекрытия держались на деревянных столбах, следы от которых сохранились в виде ямок с древесным тленом на дне. В жилых комнатах имелись очаги, зернохранилища и глиняные скамейки вдоль стен. Всего на поселении было, вероятно, семь-восемь таких больших домов. Между жилищами были разбросаны вспомогательные хозяйственные сооружения и печи.

На обрыве, где хорошо виден весь разрез восьмиметрового холма, нам удалось выделить 15 «строительных горизонтов», то есть

88

сменяющих друг друга слоев древних построек. Если предположить, что каждая такая постройка могла стоять без большого ремонта около 30 лет, то длительность существования Магзалии составит около пяти веков.

Наконец, последнее и самое сенсационное открытие. «Все поселение, — пишет руководитель раскопок на Магзалии Николай Оттович Бадер, — было окружено мощной стеной на цоколе, сложенной из крупных каменных плит, отдельные из которых достигают полутора метров в поперечнике. С севера стена образует подковообразный выступ размером около пяти метров в диаметре, и, как нам представляется, это фундамент башни». Главный проход на поселение осуществлялся, по-видимому, с западной стороны. Именно там и находятся массивные ворота, сложенные из огромных каменных плит.

Появление сложных оборонительных укреплений в столь раннее время еще ждет своего серьезного объяснения. Ведь аналогичная ситуация сложилась и в других древнейших земледельческих поселениях Ближнего Востока — Иерихоне, Бейде, Рас-Шамре, Чатал-Гуйюке. Видимо, возникновение укреплений было вызвано возросшей угрозой нападения на эти очаги неолитической революции со стороны менее развитых (и менее обеспеченных продуктами питания) соседей, остававшихся еще на уровне охотничье-собирающего хозяйства. Само появление таких укрепленных поселков знаменовало собой завершение неолитической революции. Эти поселки стали форпостами новой экономической системы, которая в VII—VI тысячелетиях до н.э. по речным долинам распространилась далеко за пределы областей естественного обитания диких злаков. Постепенно на смену отдельным, изолированным поселениям пришли сотни раннеземледельческих поселений. Последствия перехода к оседлому образу жизни были поистине революционны.

Во-первых, резко изменилась общая численность населения в областях, где победили новые, прогрессивные формы хозяйственной деятельности. По подсчетам Р. Брейдвуда, на Ближнем Востоке плотность населения примитивных охотников и собирателей эпохи верхнего палеолита составляла не более трех человек на 160 квадратных километров, специализированных собирателей растительной пищи времен мезолита (около 10 тысяч лет назад) — 12,5 человека на 160 квадратных километров, а в первых оседлых земле-

89
дельческих общинах — уже 2500 человек на 160 квадратных километров, то есть, по сравнению с предшествующим периодом, — более чем двухсоткратный рост!

Во-вторых, с появлением земледелия и скотоводства неизмеримо возросла возможность получения устойчивого и значительного прибавочного продукта, что сыграло решающую роль во всем дальнейшем развитии человеческого общества — в зарождении классов, государства, городской цивилизации.

Человек теперь активно воздействовал на природное окружение и изменял его, увеличивая свои жизненные ресурсы благодаря искусственному распространению полезных растений и одомашненных животных из областей естественного их обитания на вновь осваиваемые земли.

С высоты предгорья, где расположена Магзалия, хорошо видна обширная часть Синджарской равнины с большими и малыми теллями. Среди них находятся и маленький холмик Телль-Сотто, и более крупный холм Ярым-тепе-1, и добрый десяток других теллей. Все они — наглядное свидетельство расселения древнего человека с гор и предгорий на просторы Месопотамской равнины.

История перехода от неолита к городской цивилизации Двуречья пока не может быть рассказана сколько-нибудь подробно, так как наши сведения об этом периоде все еще крайне скудны и немногочисленны. Но мы по крайней мере знаем, что археологические исследования последних десятилетий опровергли старую гипотезу, согласно которой шумерская цивилизация зародилась в некоей таинственной и далекой стране, а затем уже в зрелом виде бы-ла перенесена в Месопотамию. Теперь, проследив в глубинах тысячелетий истоки ее многих характерных черт и достижений, мы можем сделать вывод, что одни из них действительно привнесены извне, а другие возникли на месте. Длительный период, в течение которого Месопотамия «была беременна цивилизацией», — это весьма важный, но

малоизвестный отрезок местной истории. За три тысячелетия в регионе последовательно сменили друг друга три раннеземледельческие культуры: Хассуна, Халаф и Убейд.

КУЛЬТУРА ХАССУНА

Культура Хассуна названа так по типичному для нее памятнику Телль-Хассуна, расположенному в 35 километрах южнее города Мосула и раскопанному в 40-х годах иракско-английской археологической экспедицией во главе с Фуадом Сафаром и Сетоном Ллойдом. Здесь, в самом нижнем слое телля, были обнаружены грубая одноцветная керамика и каменные орудия какой-то небольшой общины земледельцев, живших, вероятно, в легких наземных хижинах или шалашах, поскольку от их домов не осталось ни малейшего следа. Сверху этот первоначальный поселок перекрывали шесть слоев глинобитных построек, демонстрирующих прогрессивные изменения и в размерах, и в конструкции. По своей величине, планировке и строительному материалу эти дома поразительно близки жилищам современного населения Северо-западного Ирака. Шесть или семь комнат размещены в виде двух блоков вокруг открытого внутреннего двора: один блок — жилой, другой — кухня и кладовые. Стены сделаны из сырцового кирпича. Полы вымощены смесью глины и соломы. Зерно местные жители хранили в огромных сосудах из необожженной глины, вкопанных по горло в землю. Хлеб (плоские круглые лепешки) пекли в куполообразных глиняных печах, напоминающих современные арабские тануры. Хозяйственная утварь представлена каменными зернотерками, ступками, пестами, серпами с кремнёвыми лезвиями, каменными мотыгами, керамикой, глиняными пряслицами (грузиками для веретен), грубыми фигурками людей и животных. Керамика Хассуны подразделяется специалистами на три большие группы, частично имеющие и хронологические различия: «архаическая», «стандартная» и «самаррская».

Образ жизни первых обитателей Хассуны делает понятным, почему их культура быстро распространилась на сотни километров. Не исключено, что в результате многовековой обработки или почва в горах истощилась, или население там увеличилось настолько, что люди вынуждены были покинуть родные места и искать новые, еще не освоенные территории. В более благоприятных районах эти переселенцы оседали надолго. Там же, где условия были не столь хороши, они оставались на короткое время, например до сбора урожая, а потом шли дальше на юг.

Поселения хассунской культуры (VI тысячелетие до н.э.) были распространены довольно широко. Они встречаются на территории Северо-восточной Сирии, в Ираке, вплоть до западных районов Ирана. А южная их граница простиралась до широты Багдада. Однако центр этой культуры всегда находился в Месопотамии, точнее, в Северо-западной Месопотамии.

91

Спускаясь вниз по течению Тигра и Евфрата, земледельцы Хассуны в конце концов вступили в зону, где дождевых осадков уже не хватало для получения устойчивых урожаев. В районе Багдада в настоящее время объем годовых осадков не превышает 180 миллиметров. Поэтому, чтобы выжить, люди — чуть ли не впервые в мире — стали применять здесь самые примитивные формы искусственного орошения. Скорее всего это была задержка паводковых вод запрудами и плотинами, а также проведение первых, пока еще небольших по длине каналов. При раскопках хассунского поселения Телль-ас-Савван, расположенного на восточном берегу Тигра, в 11 километрах южнее Самарры, было найдено большое количество зерен культурных растений, в том числе четырех видов ячменя, трех видов пшеницы и одного вида льна. Показательно и наличие здесь шестирядного ячменя, характерного для областей поливного земледелия. А на другом хассунском памятнике, Чога-Мами, археологи открыли и остатки древних каналов VI тысячелетия до н.э.

Налаживание даже простых систем ирригации в районах, лежащих в среднем течении Тигра и Евфрата, было отнюдь не легким делом. Обе реки обладают поистине смертоносной силой во время бурных весенних паводков, высота которых непредсказуема. И сейчас уровень воды в Тигре в некоторые годы поднимается за одни сутки на 12 метров. Кроме того, эти могучие реки несут с собой тысячи тонн ила, постоянно оседающего в русле. В Тигре, возле Багдада, в одном кубическом метре воды содержится 787 граммов ила, а каждую секунду

через контрольную отметку там проходит 1240 кубических метров воды. Ежегодно Тигр и Евфрат несут к устью, в Персидский залив, до 3 миллионов тонн наносной земли. Из-за этого в древности их течение часто меняло свое направление, уходило далеко в сторону, разбивалось на рукава и протоки, принося жизнь одним земледельческим общинам и обрекая на гибель другие.

Но не только жара и норовистые реки мешали заселению этих мест. Берега Тигра и Евфрата на севере были покрыты лесами, а на юге — зарослями кустарника и тростника. Там в изобилии водились огромные ящерицы-вараны (грозные «драконы» из позднейших шумерских и вавилонских мифов), кабаны, олени, змеи. В прилегающей к рекам засушливой степи бродили бесчисленные стада зубров, газелей, антилоп, куланов и диких ослов (онагров), водились леопарды и львы.

92

В этих районах, страдающих от наводнений и от палящего зноя, первоначально трудно было найти пригодные для возделывания участки земли. И некоторые группы пришельцев с севера гибли здесь, вероятно, во время неожиданных разливов рек, от нападений хищных зверей, от голода и болезней. Но тот, кто выжил и обосновался в этой равнинной и жаркой стране, вскоре стал получать со своих искусственно орошаемых полей баснословно высокие урожаи. Столкнувшись с новыми, непривычными для себя природными условиями, хассунский земледелец вышел победителем, и эта победа открыла перед местными общинами магистральный путь к вершинам цивилизации.

Жители скромного хассунского поселка Ярым-тепе-1 в Синджарской долине одними из первых на Ближнем Востоке стали обрабатывать металл (в непо потревоженных слоях 6-го тысячелетия до н.э. были найдены медное украшение и кусочки медных шлаков), строить сложные двухъярусные печи для обжига керамики, изготавливать каменные резные подвески-печати. Они выращивали на своих полях хлебные злаки: мягкую пшеницу, пшеницу Спельта, многорядный ячмень. Они имели обширные стада различных домашних животных. Если раньше считалось, что корова впервые была одомашнена в этом регионе лишь в IV-м тысячелетии до н.э., то теперь начальный возраст данного события отодвинулся еще на две тысячи лет.

О больших достижениях хассунских племен, пришедших в более южные края, свидетельствуют материалы раскопок поселения Тель-ас-Савван (Кремнёвый Холм — арабск.). На холме площадью два с половиной гектара археологами выделено пять слоев напластований, нумеруемых снизу вверх. Слой I датируется 5600 годом до н.э. Древнейшее поселение было окружено рвом глубиной и шириной до трех метров, который был связан с ручьем, а следовательно, наполнялся водой. За рвом высилась мощная глинобитная крепостная стена в форме квадрата.

В том же слое I были раскопаны два здания — самые крупные сооружения Месопотамии в 6-м тысячелетии до н.э. В одном доме было не менее 14 комнат, а в другом — еще больше. Сохранившаяся внутренняя лестница свидетельствует о наличии второго этажа. Восточная часть первого дома представляла собой храм, состоявший из четырех помещений, причем в последнем из них обнаруже-

93

на культовая ниша в стене. Перед ней стояла алебастровая статуэтка богини. В одной из комнат нашли две глиняные женские фигурки. Во многих могилах, обнаруженных под полами храмов и жилых помещений, сохранились многочисленные женские статуэтки и несколько мужских. В большинстве случаев они были сделаны из желтоватого алебастра, обрабатывавшегося здесь же, на поселении. Глаза их инкрустированы битумом. В погребениях лежали также медные бусы и один медный нож, чаши и миски из алебастра, орудия труда и зернотерки из твердого черного камня. В нижних слоях (слои I и II) керамика встречалась довольно редко: в слое I она походит на раннюю (архаическую) хассунскую; в слое II появляется расписная посуда, преобладающая в слое III, а в слое IV ее вытесняют сосуды типа самаррских.

Расписная керамика в Самарре (знаменитой столице халифов Аббасидов) была обнаружена в районе древнего некрополя и, видимо, служила частью погребального инвентаря. Она

обожжена до бледно-розовой, часто зеленоватой, окраски, украшена плетеным орнаментом, расположенным по зонам, — прием, характерный для корзинного плетения. Посуда очень разнообразна по форме: миски, чаши, блюда, горшки. Узор значительно более сложный и изысканный, чем на керамике из Хассуны: как бы по концентрическим кругам изображены птицы, козлы, женщины с развевающимися волосами, скорпионы. Характерны и такие орнаменты, как розетка, квадрат, свастика. Бесспорно, что все эти изображения имели сложный магический смысл и были связаны с погребальными обрядами.

«Именно племена самаррской группы, — считает И.М. Дьяконов, — начинают последний этап освоения Месопотамии; они двигаются дальше на юг по Тигру и Евфрату в заболоченные области Южного Двуречья».

При раскопках городища Абу-Шахрайн (древний город Эреду), расположенного на самом юге Месопотамской равнины, на берегу Персидского залива, археологи установили, что самые ранние его слои (XIX—XV) совпадают по времени с так называемым хассунским периодом. Очень похожа на хассунско-самаррскую и древнейшая местная керамика — расписные кубки, миски и чаши.

Таким образом, к концу VI — началу V тысячелетия до н.э. освоение пришедшими с севера земледельцами территории Нижней Месопотамии было успешно завершено.

94

ЗАГАДКИ УБЕЙДА

Итак, археологические открытия последних десятилетий на самом юге Месопотамии показывают, что эта жаркая и плоская область была впервые заселена человеком во времена господства на севере региона хассунско-самаррской и халафской культур. Об этом говорит, например, большое сходство расписной керамики с поселения Калат-Хаджи-Мухаммед близ знаменитого города Урук-Варка) с самаррскими и халафскими гончарными изделиями в Северной и Северо-западной Месопотамии. Примечательно, что этот древнейший поселок был погребен под трехметровым слоем наносного ила и его можно было копать лишь в те годы, когда уровень воды в Евфрате находился на самой низкой отметке. В противном случае подпочвенные воды заливали раскопы и шурфы.

Затем последовали сенсационные открытия иракской археологической экспедиции в Эреду на городище Абу-Шахрайн. По сообщениям клинописных текстов, Эреду был одним из самых почитаемых и священных городов древнего Двуречья. Здесь, по преданию, находилась земная резиденция бога Энки — повелителя подземных вод и одного из главных божеств шумерского пантеона. В настоящее время Эреду представляет собой хаотическое скопление низких искусственных холмов и песчаных дюн, над которыми возвышается громада величественного зиккурата — ступенчатой башни из сырцового кирпича, сооруженной, как указывают кирпичи с клинописными посвящениями, царями Третьей династии Ура в самом конце III тысячелетия до н.э.

Каково же было удивление Фуада Сафара (начальника экспедиции) и его коллег, когда, обследуя основание зиккурата, они обнаружили под одним из его углов целую цепочку более ранних храмов, уходящих в глубины земли. Всего их оказалось семнадцать. Видимо, данное место считалось у местных жителей особо почитаемым, и поэтому они с поразительным упорством возводили здесь на протяжении тысячелетий свои святилища. Три самых нижних святилища — глинобитные постройки с одной квадратной комнатой и алтарем посередине — содержат расписную керамику, орнаментация которой очень напоминает стили поздней Самарры и Халафа. И все же это были лишь отдельные островки пришедшей с севера земледельческой культуры. У нас пока нет абсолютно точных дат для определения времени появления этих первых дереву-

95

шек в низовьях Тигра и Евфрата. Судя по самым общим стилистическим параллелям с керамикой более северных археологических памятников, это случилось между концом VI и началом V тысячелетия до н.э. Но первые робкие попытки освоения самого юга Месопотамской равнины пришлыми земледельческими племенами оказались лишь прелюдией к более широкой и успешной колонизации новых земель. Это было связано с появлением в Месопотамии племен так называемой убейдской культуры. Культура,

существовавшая примерно с 4500 по 3500 год до н.э., получила свое название по имени небольшого древнего поселения Эль-Убейд, расположенного близ города Ура. В конце 20-х годов там работали английские археологи. Исследуя этот тель, они обнаружили под остатками шумерского храма незнакомую расписную керамику. Она имела более ранний возраст: темно-зеленые, обожженные почти до стекловидного состояния глиняные черепки, украшенные четкими геометрическими рисунками, нанесенными темно-коричневой и черной краской. Позже здесь удалось вскрыть под наносами ила остатки тростниковых хижин первых жителей поселка с точно такой же расписной посудой.

Так в археологической летописи Месопотамии появилась еще одна ранее неизвестная культура, которая и по своей сущности, и по хронологическому положению уже непосредственно предшествовала знаменитой шумерской цивилизации.

Однако, в течение многих десятилетий открытые и исследованные убейдские памятники на юге Месопотамской равнины исчислялись буквально единицами. Загадок и нерешенных проблем в связи с Убейдом было куда больше, чем неожиданных озарений или открытий.

Прежде всего, исследователей поражала крайняя редкость до-убейдских поселений в Южном Двуречье. И, как это часто бывает, недостаток информации породил в научных кругах оживленные споры. Одни археологи утверждали, что земли к югу от Багдада, вплоть до убейдского периода, находились под водами Персидского залива и поэтому, мол, люди могли заселить эти буквально «восставшие из вод» места только с отходом залива далеко на юго-восток, к его современным границам.

Другие доказывали, что доубейдские памятники там есть, но они погребены под мощными напластованиями аллювиальных речных отложений. Однако геолого-экологические и археологиче-

96

ские исследования последних лет не подтверждают эти гипотезы.

Отсюда, видимо, следует, что причины более позднего развития оседлой земледельческой культуры в этом районе совершенно иные: неблагоприятные местные природно-климатические условия для жизни древнего земледельца, отсутствие многих необходимых ресурсов — древесины, твердых пород камня, металлических руд и т.д. Но окончательного ответа на этот вопрос пока нет.

Другой нерешенный вопрос — происхождение убейдской культуры. Если на юге Месопотамии нет ранних убейдских поселений, то откуда эта культура туда пришла? В прошлом археологи пытались вывести Убейд из таких отдаленных мест, как Индия или Палестина, хотя Иран был куда более близким и перспективным для подобного рода поисков регионом. Нашлось со временем немало сторонников и у иранской версии. Чтобы проверить ее, за последние два-три десятилетия было досконально обследовано почти все Иранское плоскогорье, но никаких признаков прародины убейдской культуры там не обнаружили.

В последние годы немало убейдских памятников удалось выявить на восточном побережье Аравийского полуострова, в Саудовской Аравии, что сразу же опять поставило в повестку дня вопрос об истоках Убейда. Но уже первый сравнительный анализ археологических находок из двух областей показал, что аравийские находки намного моложе месопотамских. Таким образом, вопрос о происхождении убейдской культуры остается открытым. Во всяком случае, исходя из имеющихся на сегодняшний день данных, некоторые исследователи считают, что она возникла в последней трети V тысячелетия до н.э. в Южном Двуречье на основе культурных традиций первых поселенцев этих мест (памятники типа Хаджи-Мухаммед — Эреду).

Несомненно и другое: если самые ранние известные сейчас убейдские поселения появляются на юге Месопотамии, на окраине великой аллювиальной равнины, то в дальнейшем наблюдается быстрый численный рост и экспансия носителей убейдской культуры в северном направлении. Именно убейдцы, двигаясь по долинам Тигра и Евфрата на север, достигли вскоре территории, занятой племенами халафской культуры. Конечная судьба халафцев оказалась весьма плачевной: к концу V тысячелетия до н.э. они были либо уничтожены, либо вытеснены из Северо-Месопотамской зоны. Триумф Убейда был беспорным и окончательным.

Таким образом, впервые в месопотамской истории на севере и на юге региона распространилась одна общая культура, объединившая разрозненные прежде области в единое целое. И если раньше центр культурного развития находился в северных районах Месопотамии и в прилегающих к ним горных и предгорных территориях (Загрос, Синдждар), то теперь историческая ситуация резко меняется. С начала IV тысячелетия до н.э. тон все больше задают южные области, где сначала Убейд, а потом и Урук (Джемдет-Наср) определяют наиболее прогрессивные и яркие направления развития общества. Наконец, для убейдского периода важно и то, что в недрах его культуры можно проследить истоки многих последующих достижений шумерской цивилизации, то есть наличие культурной преемственности. Эти успехи и достижения пришли к убейдцам не сразу, ведь окружающую их территорию никак не назовешь цветущим Садам Эдема. Напротив, убийственная жара в летние месяцы, совершенно непредсказуемые и скудные дожди, довольно прохладная зима, разрушительные разливы рек и нехватка воды при созревании урожая ставили здесь почти непреодолимые преграды на пути успешного ведения земледельческого хозяйства. Природа ежечасно бросает прямой вызов человеку. И именно убейдцы первыми приняли этот вызов и сделали первые шаги по пути преодоления негативного влияния на человеческое общество местных природных условий. Они селились вдоль рек, протоков и озер, используя естественные и простейшие формы искусственного орошения (запруды, небольшие каналы). Общее представление о культуре и быте убейдского населения дают материалы из раскопок нескольких хорошо исследованных археологических памятников, как на юге, так и на севере Месопотамии.

Одно такое поселение было раскопано иракскими учеными в Телль-Укайре, близ Багдада, в 1940 году. В то время как в Эль-Убейде жилища строились из тростника, обмазанного глиной, в Укайре уже существовали добротные глинобитные дома из прямоугольных сырцовых кирпичей. Здесь сохранились стены почти метровой высоты, так что можно без особого труда представить себе планировку деревушки такой, какой она была свыше шести тысяч лет назад. Археологи обнаружили улицу, ширина которой позволяла пройти навьюченному животному. С обеих сторон улицу обрамляли дома с деревянными или тростниковыми дверями, по-

ворачивающимися в каменных желобах. Крыши, без сомнения, были плоскими, а на улицу выходили водосточные керамические трубы. В каждом доме имелось четыре-шесть комнат, весьма разумно распланированных, иногда с лестницей, ведущей на крышу. В одной из комнат помещалась кухня с обычной куполообразной глиняной печью — тануром. В Укайре нашли печь, целиком забитую раковинами пресноводных мидий, которые служили важной частью повседневного рациона людей. Раскопки показали, что и здесь, и в Эль-Убейде основным занятием жителей наряду с земледелием было рыболовство. Лодки рыбаков, судя по их глиняным моделям, имели высокие нос и корму. Рыбу ловили, очевидно, сетями (известны каменные грузила и каменные «якоря») или били острогами. На животных охотились с помощью пращи и копий (в одном из домов нашли остатки рогов трех оленей разного возраста). Землю обрабатывали кремнёвыми мотыгами, а хлеб жали серпами из очень твердой, хорошо обожженной глины. Костяные иглы и пряслица для веретен свидетельствуют о развитом ткачестве. Религиозные культы представлены статуэтками обнаженных женщин и реже — мужчин. У некоторых из них ясно видна татуировка на руках и плечах, а головы украшают высокие парики из битума.

Однако особо важные результаты принесли уже упоминавшиеся раскопки иракских археологов в Эреду (Абу-Шахрайн). Под одним из углов зиккурата, как уже говорилось, было обнаружено поразительное наслоение из 17 храмов, последовательно сменявших друг друга на этом месте начиная с незапамятных времен. Восемь верхних святилищ (I—VIII) представляли собой внушительные здания урукского и частично убейдского периодов. Хуже сохранившиеся остатки храмов IX и XIV, лежавших ниже, содержали как убейдскую керамику, так и посуду типа Хаджи-Мухаммед. Наконец, еще глубже появились крохотные

«часовенки» — храмы XV, XVI, XVII. Эти древнейшие ритуальные сооружения Южного Двуречья интересны для нас во многих отношениях.

Уже первое знакомство с этой храмовой архитектурой позволило прийти к заключению о непрерывном и преемственном развитии одной и той же религиозной традиции в Эреду с конца V тысячелетия до н.э. и вплоть до шумерских времен. Прототипом храма в слое XVI Эреду было здание с единственным крохотным помещением (площадью не более трех квадратных метров). Однако и оно имеет уже культовую нишу и центральный жертвенный столик,

99

которые, начиная с этого раннего времени, неизменно присутствуют в архитектуре месопотамских храмов. В слоях XI—IX этот храм перестраивается уже с большим размахом: возводятся центральное святилище и боковые крылья. На сей раз его тонкие кирпичные стены укрепили контрфорсами, возможно напоминающими детали древних тростниковых построек. Затем следует ряд более основательных и искусно построенных храмов (VIII—VI слой), которыми и завершается убейдский период на городище. В вытянутое помещение центрального святилища по-прежнему входили через боковую камеру, но уже созданы и дополнительные церемониальные входы на одном конце и алтарь на возвышении — на другом. Здесь есть свободно стоящее посреди храма возвышение для ритуальных приношений, включавших, вероятно, и рыбу, так как рыбы кости были обнаружены в соседнем помещении. Фасады теперь, как правило, украшаются перемежающимися контрфорсами и нишами, которые стали с этого времени характерной чертой культовой архитектуры Двуречья.

На севере Месопотамии, в Тепе-Гавре, в позднеубейдских слоях был обнаружен комплекс из трех храмов, расположенных вокруг внутреннего дворика. Планировка этих зданий целиком повторяет планы святилищ Эреду. В Северном Двуречье можно проследить и процесс формирования профессиональной жреческой касты. Так, например, храм из XVIII слоя Тепе-Гавры, датируемый началом 4-го тысячелетия до н.э., имеет размеры 7 на 11 метров. Во второй половине IV тысячелетия до н.э. его заменили найденные в XIII слое три связанных между собой храма (площадью 9 на 12, 18 на 15 и 20 на 17 метров). Их богато украшенные пилястрами фасады окружали двор площадью 18 на 15 метров. Во всех трех святилищах главное помещение служило местом отправления культа, а вход располагался в более широкой стене, так что со двора нельзя было увидеть алтарь. Больше всего пилястров было в так называемом центральном храме. А в его внутренних помещениях сохранились остатки росписей, сделанных яркой красной краской. В красный же цвет был, видимо, окрашен снаружи и восточный храм. На его территории были найдены многочисленные печати с изображениями зверей, а часто и людей с головами животных. Эти изображения, встречающиеся и на юге, и на севере Месопотамии, напоминают фигуры женщин с головами рептилий. По-видимому, перед нами — образ ящера-варана, которого древние шумеры боя-

100

лись, но почитали как символ плодородия. Думузи — шумерский бог стад — в III тысячелетии до н.э. имел второе имя — Ама-Ушумгал, что означает «Его мать — дракон». А драконом в древней Месопотамии называли полутораметрового варана, который стал матерью Думузи, а в представлении убейдцев превратился в женщину с головой варана.

Итак, очевидно, что центрами многих крупных убейдских селений были монументальные храмы на платформах, возможно уже игравшие роль организаторов хозяйственной деятельности и управления делами общины. Храмы Эреду достигают особенно больших размеров и сложной внутренней планировки во времена позднего Убейда, в первой половине IV тысячелетия до н.э. Так, храм VI (на платформе) имеет размеры 26,5 на 16 метров.

Люди, жившие в хижинах вокруг святилища, кормились рыболовством и охотой, сеяли эммер (полбу), ячмень, лен, сезам (кунжут), выращивали финиковую пальму, разводили овец, коз, свиней, ослов и крупный рогатый скот. Борясь с ежегодным разливом рек и используя воду, оставшуюся после него в мелководных озерах, они еще в доубейдское время впервые применили здесь, в Южном Двуречье, новый метод земледелия — рыли в мягком грунте небольшие водоводные каналы. Исключительно тяжелые условия жизни между

знойной пустыней и болотами дельты Тигра и Евфрата отчасти искупались для них невероятным плодородием почвы и обилием урожая.

В убейдских селениях параллельно с развитием земледелия и скотоводства шел и процесс прогрессивного роста ремесел. Превосходная убейдская керамика, часто особого, зеленоватого оттенка (из-за чрезмерного обжига), с коричневой или черной геометрической росписью, отличается стандартными формами и явно производилась специалистами-гончарами. Для обжига глиняной посуды использовались специальные печи сложной двухъярусной конструкции, где поддерживалась постоянная температура свыше 1200 градусов по Цельсию. В 1985 году в ходе работ советской археологической экспедиции на убейдском телле Шейх-Хомси (близ города Зуммара), на севере Ирака, мне довелось лично расчищать такую чудо-печь, сложенную из глиняных блоков диаметром до двух с половиной метров. Печь неоднократно перестраивалась и ремонтировалась. Внутри и возле нее лежали куски керамического шлака и забракованные, спекшиеся в одно целое скопления зеленоватых

101

убейдских сосудов. Появляются новые типы посуды — чайники, черпаки (с длинными ручками и широким сливом), колоколовидные чаши и т. д. В конце убейдского периода изобретен гончарный круг. В ряде могил обнаружены глиняные модели лодок, в том числе и парусных. Бесспорен прогресс и в металлургии, хотя металл на юге был редкостью и металлических предметов там пока найдено немного (медные рыболовные крючки, шилья и др.). Развивался обмен товарами и сырьем с соседними областями. Обсидиан привозили с Армянского нагорья, кремь — из Сирии, лес и твердые породы камня — с гор Загроса, лазурит — из Афганистана и т. д.

Между тем экспансия племен убейдской культуры на север и северо-запад нарастала. К 3500 году до н.э. они занимали уже Северную Сирию, Киликию (Турция), горные районы Загроса.

В течение большей части убейдского периода поселения представляли собой сравнительно небольшие земледельческие поселки, широко разбросанные по аллювиальной Месопотамской равнине вблизи естественных источников воды (реки, озера, каналы). Каких-либо иерархических рядов и соподчинений в этот период не наблюдается. Ситуация заметно меняется лишь к концу Убейда, к середине IV тысячелетия до н.э. Как показывают исследования Роберта Мак-Адамса в районе Урука (Варки), именно тогда Урук становится важным религиозным и политико-административным центром окружавшей его территории, где в свою очередь выделяются более крупные поселения — «городки» и тяготеющие к ним группы земледельческих деревень. Однако решающие перемены в характере поселений Южного Двуречья происходят лишь в последующем, урукском (протописьменном) периоде.

Убейдские археологические материалы показывают, как постепенно возрастала роль храмов в жизни сельских общин, видимо уже ставших к середине IV тысячелетия до н.э. главным центром экономической и социальной деятельности в нарождающихся месопотамских городах. Здесь будет уместно затронуть вопрос о соотношении убейдской культуры и шумерской цивилизации. Можно ли рассматривать первую как прямую родоначальницу второй? Ответить на данный вопрос однозначно совсем не просто. Слишком мало мы еще знаем об этом переходном периоде, слишком незначительны пока наши сведения (речь идет не только об археологических материалах, но и о письменных документах, данных антропологии, палеоботаники и т. д.). И тем не менее приведем высказыва-

102

ния ряда компетентных исследователей, хотя бы частично освещающие затронутую проблему.

«Может быть, и преждевременно называть убейдскую культуру шумерской, — пишут К.К. Ламберг-Карловски и Дж. А. Саблов (США), — но она определенно должна была подготовить почву для основных достижений шумерской цивилизации. Развитие социальной дифференциации и торговой специализации, рост населения, сопровождавшийся основанием новых поселков и городков, следы растущей централизации власти внутри отдельных общин и их групп — все говорит о появлении новых тенденций, четко отделяющих Убейд от более ранних неолитических культур».

Близкой точки зрения придерживается и известный востоковед ИМ. Дьяконов. «...Кто бы ни были подлинными создателями убейдской культуры, — отмечает он, — достигнутый ими уровень развития постепенно начинал выводить общество за рамки первобытного строя. Создание и поддержание все усложняющихся оросительных систем требовали объединения усилий нескольких общин. Функцию хозяйственного руководства ими, видимо, принимала на себя, во всяком случае частично, храмовая организация, и без того уже объединявшая в культовом отношении ряд мелких общин. Способствуя их слиянию воедино, храм в то же время противостоял массе членов общины... Определенный рост общего благосостояния, развитие торговли и обмена способствовали первым начаткам накопления и имущественного расслоения общества. Этому в немалой степени способствовало ускорение экономического развития, особенно в результате отделения ремесла от земледелия».

Все археологи говорят о культурной преемственности Убеида с Шумером в области культовой архитектуры, керамики, домостроительства, хозяйственных навыков и приемов, в предметах быта. Не случайно, видимо, и то, что все главные шумерские города возникли на месте прежних убейдских поселений. «Культурная преемственность, — подчеркивает ИМ. Дьяконов, — в той мере, в какой она прослеживается в материальных памятниках, заставляет считать, что шумерами были по крайней мере уже создатели убейдской культуры на юге Двуречья конца V — начала IV тысячелетия до н.э.; с возникновением иероглифической письменности на грани IV и III тысячелетий до н.э. мы имеем уже бесспорные доказательства, что население Нижней Месопотамии было шумерским». Итак, к концу убейдского периода Месопотамия претерпевает

103

важные качественные изменения. Отчетливее и ярче проступают здесь сквозь простоту архаического уклада жизни контуры будущих цивилизаций. Убыстряется темп общественного и экономического развития. Многие общины на юге страны уже вплотную приблизились к тому роковому рубежу, который отделяет жизнь свободных и равноправных людей первобытной эпохи от жалкого удела их прямых потомков — рядовых общинников, оказавшихся вскоре на самом низу гигантской социальной пирамиды, созданной нарождавшимся раннеклассовым государством.

ВОДА, ЗЕМЛЯ И ЖИЗНЬ В ДРЕВНЕМ ДВУРЕЧЬЕ

Итак, к концу убейдского периода Месопотамия стояла уже на самом пороге цивилизации. И она вскоре появилась — древнейшая на земле шумерская цивилизация, с ее городами, каналами, возделанными пашнями, государственностью, письменностью и календарем. Но почему первые города и первые цивилизации нашей планеты возникли именно в этом регионе, который отнюдь не блещет своими природно-климатическими достоинствами? Весь парадокс ситуации в том и состоит, что большинство современных исследователей утверждает, будто наряду с другими факторами особо важную роль в ускоренном развитии культуры в этом регионе сыграли именно природно-географические особенности Месопотамии, которые в своей совокупности наложили неизгладимый отпечаток на всю жизнь древнейших обитателей страны. «Как географическое целое, пока достаточно четко не определенное — отмечает известный английский археолог Сетон Ллойд, — она (Месопотамия. — В.Г.) образуется широкой, незначительной по глубине впадиной, которая протянулась на северо-запад от Персидского залива и в геологическом отношении является его продолжением. Определить границы ее с обеих сторон не представляет особой трудности: на северо-востоке она ограничена понижающимися склонами хреб-

105

тов Ирана, на юго-западе — гигантской пустыней, которую геологи называют Аравийским плато».

Территорию Месопотамии традиционно разделяют на две области, заметно отличающиеся друг от друга по природно-климатическим условиям: Северную (или Верхнюю), называемую обычно Ассирией, и Южную (или Нижнюю), называемую Вавилонией. Граница между ними проходит примерно через города Хит на Евфрате и Самарру на Тигре. К северу от этой линии Междуречье занято известняковым голым плато Эль-Джезира (по-арабски — остров),

которое запирает Евфрат в довольно узкой долине. Тигр же, напротив, течет по широкому нагорью, на склонах холмов которого раскинулись пашни и пастбища. Этот плодородный край и назывался когда-то Ассирией. К югу от черты Хит — Самарра, там, где реки образуют общую дельту, ландшафт совершенно иной: весь этот район — порождение Тигра и Евфрата. Именно благодаря их наносам здесь образовалась огромная, совершенно плоская лёссовая равнина, которой по плодородию нет равных на всем Ближнем Востоке.

Наиболее характерная топографическая черта Ирака — наличие двух больших рек — Тигра и Евфрата. Широко известное изречение отца истории Геродота о том, что Египет — это дар Нила может быть с успехом приложено и к Ираку, различие состоит лишь в количестве рек-дароносиц. С незапамятных времен Тигр и Евфрат откладывают свои наносы на каменистое ложе между Аравийской платформой и Иранским нагорьем, создавая среди безжизненных пустынь обширную и плодородную равнину. Обе реки берут начало в горах Турции, где их питает множество местных речек. Проложив путь через отроги горных хребтов, они устремляются на юг. По характеру эти реки абсолютно не похожи друг на друга. Так, стремительный и многоводный Тигр течет на юго-восток, вдоль горной цепи Загрос. В нижнем течении он (уже в исторические времена) не раз менял свое русло, вот почему постоянных поселений на его берегах долго не возникало. Было время, когда Тигр впадал прямо в Персидский залив, сейчас же он сливается с Евфратом. Лишь образовавшийся из двух рек Шатт-эль-Араб впадает в море. Все притоки Тигра берут начало в восточных горных областях: Хазир, Большой и Малый Заб, Дияла и др.

Путь у Евфрата был совершенно иным. Покинув Армянское нагорье, он несет свои воды на юго-запад и в одном месте оказывает-

106

ся на расстоянии всего лишь 140 километров от Средиземного моря. Затем он круто поворачивает на юг и образует широкую излучину. Ниже Каркемиша в него впадают два больших левых притока — Балх и Хабур. В районе Хита — Самарры Евфрат сближается с Тигром и течет с ним почти параллельно дальше, на юго-восток, к Персидскому заливу. Широкая петля, образуемая этими реками, превращает Верхнюю Месопотамию в остров. Евфрат не столь многоводен, как Тигр, да и течение у него намного спокойнее.

Разлив рек начинается в Месопотамии весной, в марте — апреле, когда в горах тает снег и обильно идут дожди. Первым разливается Тигр, на две недели позже — Евфрат. В отличие от Нила наибольший паводок на месопотамских реках приходится на период созревания большей части зерновых культур, и поэтому нормальный земледельческий цикл работ возможен здесь лишь в том случае, если речная вода будет своевременно отведена в каналы и бассейны, где ее сохранят для полива хлебов после осеннего сева. «Однако Тигр, — подчеркивает ИМ. Дьяконов, — на значительном своем протяжении течет в высоких берегах, что требует для отвода воды водоподъемных устройств, которых у жителей Месопотамии не было еще ни в IV, ни в III, ни даже во II тысячелетии до н.э. Вследствие этого, а также ввиду большой скорости течения воды Тигра долгое время для орошения полей не использовались, и первые селения, а затем и города возникли в Нижней Месопотамии только вдоль Евфрата и его рукавов и искусственных каналов и, кроме того, за Тигром, в бассейне реки Диялы».

«Тигр, — пишет О.Г. Герасимов, — считается самой беспокойной рекой Ирака. Выходя из берегов, он затопляет большие площади плодородных земель, прилегающих к его берегам, размывает глинобитные лачуги, уничтожает скот. Сообщения об уровне воды в период весеннего паводка напоминают сводки с полей сражений, так они лаконичны и строги, но за каждым их словом или цифрой скрывается многое: будут ли крестьяне снимать урожай или, перебравшись на высокое место, им придется наблюдать, как бешеная река уносит выращенные с большим трудом посевы, смогут ли они сегодня спокойно лечь спать или, застигнутые стихией, будут сидеть на грозящей рухнуть крыше дома и искать воспаленными от напряжения глазами лодку своих спасителей».

КУЛЬТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЛАСТИ МЕСОПОТАМИИ

«Для развития первых цивилизаций Ближнего Востока, — пишет Сетон Ллойд, — наибольшее значение вначале имела полоса земли, окаймлявшая горные области Палестины, Сирии, Армении и Ирана, — так называемый Плодородный полумесяц. Вдоль полукольца гор, на западе — с обеих сторон, а на востоке — только с внутренней стороны, расположены холмистые районы, покрытые травами, кустарниками и рощами, пригодные для развития земледелия и оседлого скотоводства...

108

От долины верхнего Тигра, образующей границу между Армянским нагорьем и Месопотамией, восточный рог Плодородного полумесяца раздваивается: удобные для земледелия земли тянутся к югу, с одной стороны — по Тигру, по нижним отрезкам долин левых притоков Тигра — Большого и Малого Заба, Адхема (Эль-Узайма) и Диялы — и по гумусовым степям предгорий; с другой — по притоку Евфрата, Хабуру, и далее тонкой ниточкой вдоль Евфрата. Вся эта страна в древнейшее время была покрыта низкорослыми травами, а в предгорьях — кустарниками... Продолжением Плодородного полумесяца на юго-востоке считаются области нижнего течения Тигра и Евфрата (Нижняя Месопотамия)...

Все пространство между реками Тигр и Евфрат, то есть Месопотамия в широком смысле этого слова, делится с севера на юг на несколько природных районов. В пределах сухой субтропической зоны расположена Верхняя, или собственно Месопотамия; она охватывает два природных района, на севере ее простирается холмистая страна, куда влажные ветры со Средиземного моря приносят достаточно обильные дожди для ранних посевов и где в древности местами росли кустарники. Несколько далее к югу лежит второй район — сухие степи, но и здесь, вдоль речных долин, у источников, с подветренной стороны холмов, можно сеять хлеб, почти или совсем не пользуясь искусственным орошением, а в степи достаточно растительности для прокорма стад. Самая крайняя к югу и сравнительно увлажненная полоса этого района расположена по южным склонам поперечной гряды холмов Джебель — Синджар; тут проходит граница сухой субтропической и сухой тропической зон, а далее к югу начинается третий район Месопотамии — гипсовая пустыня с ничтожным количеством годовых осадков. Она тянется по обе стороны Евфрата на протяжении около двухсот километров. За полосой гипсовой пустыни, примерно южнее широты нынешнего Багдада, начинается четвертый район — нанесенная реками (аллювиальная) низменность Нижней Месопотамии. Здесь Тигр и Евфрат резко сближаются и в древности текли почти параллельно друг другу, на близком расстоянии, поэтому Нижнюю Месопотамию часто называют также Двуречьем (или Южным Двуречьем) в отличие от Междуречья, то есть Верхней, или собственно Месопотамии».

По свидетельству геологов, климат в Месопотамии, начиная с самых древних времен, почти не претерпел сколько-нибудь замет-

109

ных перемен. Летом температура колеблется от 30 до 50 градусов в тени, дождя не бывает на протяжении восьми месяцев в году. К концу сухого сезона реки превращаются в узкие ленты. Потом приходит зима: днем неярко светит солнце, ночью холодно, время от времени налетают ураганные ливни. Реки, однако, не наполняются до самой весны, когда их притоки начинают питаться за счет таяния снегов в горах Загроса и Тавра. Наступает пора весеннего разлива. Менее ста лет назад его считали еще неконтролируемым, и на протяжении всей истории страны он терроризировал обитателей южной равнины. Как это ни парадоксально, разлив происходит с апреля до конца мая — слишком поздно с точки зрения нужд сельского хозяйства, так как он уже не может быть использован для орошения основного посева зерновых, урожай которых снимают обычно в апреле — мае.

Особенно трудными в глубокой древности были условия жизни в Нижней Месопотамии. До укрощения рек занятие земледелием было невозможно: в болотистые лагуны и озера приливы Персидского залива и муссонные ветры заносили горько-соленую воду, а тростниковые заросли кишели дикими зверями и мириадами комаров. «Однако, — пишет И.М. Дьяконов, — когда в результате развития скотоводства и земледелия население Плодородного полумесяца начало расти, а земледельческие поселения стали все более выдвигаться в степь, некие, неизвестные нам, племенные группы, может быть теснимые

своими соседями-врагами, ушли из таких селений в Нижнюю Месопотамию, где им сразу же пришлось применить какой-то ранее накопленный опыт создания каналов, потому что без искусственного орошения полей в этом жестоком климате человек неминуемо бы погиб. Вероятнее всего, первые люди прибыли сюда через долину Диялы, а также из соседнего Элама».

«И действительно, — отмечает известный русский историк-востоковед М.В. Никольский, — трудно найти более неприветливую страну. Если мы приедем туда осенью или зимою, то увидим голые песчаные пустыни, чередующиеся с обширными болотами... Ни в пустыне, ни на болоте жить нельзя, и бедные деревушки местных арабов расположились в немногих удобных местах жалкими крошечными островками. В песчаных местах нет жизни; там воюет юго-западный ветер, несущий тучи песка из соседней Аравии, насыпает холмы и дюны, в которых вязнет нога; на такой почве может расти только низкий колючий бурьян, по ночам оглашаемый

110

воем голодных шакалов и гиен. Над болотами поднимаются испарения, но около них все-таки больше жизни. Вьются стаи птиц, зеленеет тростник, а в прилегающих к болотам более или менее увлажненных местах растут небольшие рощицы финиковых пальм. Но песка больше, чем болот... Только шесть недель, в ноябре и декабре, идут дожди, местами отвоевывающая поле у пустыни. Не менее печален вид Синнаара (Шумера, Нижней Месопотамии. — ВТ.) весной и летом, когда начинается пора изнурительной жары. Как осенью и зимой страна представляет собой песчаную пустыню, так весной и летом она является водяной пустыней. В начале марта быстро разливается Тигр; в середине марта начинает медленно разливаться Евфрат... В апреле воды разлившихся рек сливаются, и страна превращается в одно сплошное озеро...»

Это постоянное противоборство природных сил на юге Месопотамии не могло не волновать человека уже с глубокой древности, что нашло свое отражение прежде всего в религиозной сфере — в различных мифах и преданиях, например в легенде о сотворении мира в Шумере и Вавилонии. Легенда эта навеяна двумя местными природными явлениями: изменением береговой линии Персидского залива, все дальше выдвигавшейся в море, и ежегодными разливами Тигра и Евфрата. «И то и другое явление, — пишет М.В. Никольский, — казалось шумерам жестокой борьбой воды и суши, причем суша, несмотря на всю ярость моря, неизменно постоянно побеждала. Яростно бьют морские волны о берег, на далекое пространство заливают его и, кажется, совсем поглощают. Но стихает буря, успокаиваются волны, утихает их рокот, и отходят они от берега, и что же? Суша не только не побеждена морем, но отвоевала себе новые владения у морской стихии: бушующие волны принесли с собой огромные массы песка и ила, поднявшиеся со дна взбаламученного моря, и отложили их на низменном берегу; потом вода схлынула, а наносы остались, и таким образом суша выдвинулась в море.

Такая же борьба и с таким же результатом ежегодно повторяется в долине двух великих рек. Шесть недель идут зимние дожди, болота превращаются в озера, каналы и реки переполняются, бурлят и выходят из берегов. Дожди кончаются, выглядывает весеннее солнце, но торжество водной стихии как будто еще только начинается. Разливаются Тигр и Евфрат, еще не успевшие войти в берега после зимних дождей, и почти на полгода страна превращается в

111

сплошное море. Кажется, что навеки земля погребена под водою; но лучи солнца делают свое дело, и медленно, но неуклонно вода должна уступить место суше. Обсохшие поля зеленеют, на них кипит жизнь, и к концу лета водяная стихия побеждена. Эти явления природы шумеры издревле объясняли действиями богов и борьбой между ними. Кто, как не Энлиль, бог, живущий в горах, бог земной тверди, создает сушу, борется за ее торжество над водной стихией? Водная стихия казалась двойственным началом: с одной стороны, она несет с собой разрушение, грозит человеку и другим живым существам смертью, подкатывается под храмы богов, размывая холмы, на которых они построены, как будто нет злее врага для

богов и людей. С другой стороны, водная стихия содержит в себе и нечто творческое: она орошает поля и оплодотворяет их; когда разливаются Тигр и Евфрат, то над ними и среди вод их разлива пышно расцветает и растительная и животная жизнь; густо разрастаются тростник и осока, вода кишит земноводными и рыбой, а над поверхностью вод кружатся мириады насекомых и летают стаи птиц. Эта грозная и в то же время живительная стихия казалась шумерам также божественной силой; они представляли ее по сути своей грозной и губительной, но вследствие вмешательства Энлиля ее злоба и разрушительность уничтожались, а оставались только благодетельные свойства.

Такие размышления и дали повод к созданию мифа о борьбе Энлиля с морским чудовищем Тиамат перед сотворением мира. Давным-давно, говорилось в этом мифе, когда все было тьмою и водою, а в воде жили необыкновенные чудовища, люди с головами животных, животные с головами людей, звери с телами лошадей и хвостами рыб, змеи и ужасные рыбы. Над всеми этими чудовищами царила Тиамат. Тогда пришел Энлиль, разделил ее пополам, из одной половины сделал небо, а из другой — землю, а затем из своей крови сотворил людей и зверей, а также созвездия, солнце, луну и планеты. Так был создан мир, но страшные чудовища, жившие первоначально в морской бездне, не были уничтожены окончательно. Каждый год они стараются вновь разрушить созданный Энлилем мир, каждый год волны затопляют сушу, но великий бог непобедим и каждый год вновь торжествует победу над злыми силами».

Совсем иную картину наблюдали мы в Верхней (Северной) Месопотамии, лежащей в субтропической сухой зоне. На севере ее простирается холмистая земля, куда влажные ветры со Средизем-

112

ного моря приносят достаточно обильные зимние дожди для ранних посевов и где в древности местами росли кустарники. Несколько далее к югу лежит второй район — сухие степи, но и здесь вдоль холмов можно сеять хлеб, почти или совсем не пользуясь искусственным орошением, а в степи достаточно растительности для прокорма стад. Водой из рек или колодцев поливают только сады и плантации. Большую часть года ландшафт гол и уныл, но весной степь покрывается цветами и травами.

Наконец, с севера и востока прилегает к этой холмистой равнине горная страна, которую называют сейчас Иракским Курдистаном. Он напоминает по форме полумесяц, один рог которого упирается в современный город Ханакин, а другой — в переправу через Тигр, вблизи современного Файш-Хабура, где сходятся границы Сирии и Восточной Турции. Деревни здесь — скопления сложенных из камня домиков, прилепившихся к горе; пирамидальные тополя, а на горных террасах — плантации винограда и табака. Склоны гор часто покрыты лесами из низкорослого дуба или, реже, из хвойных деревьев.

Таким образом, несмотря на очевидное природно-географическое единообразие, Ирак — это страна контрастов. Если степь на севере и болотистые низины на юге можно рассматривать как локальные варианты Великой Месопотамской равнины, то между равнинной и предгорной областями (не говоря уже о горных хребтах Загроса в Иракском Курдистане), между севером и югом существуют поразительные различия в рельефе, климате и растительности. И на протяжении многих тысячелетий можно отчетливо проследить противоборство и соперничество между Севером и Югом Месопотамии, или, если пользоваться историческими терминами, — между Шумером (Вавилонией), с одной стороны, и Аккадом (Ассирией) — с другой.

Однако, здесь уместно вспомнить о таком важном обстоятельстве, как соотношение современных природно-климатических условий с древними (хотя бы с условиями периода IV — II-го тысячелетий до н.э.). Большинство ученых считают, что природа и климат современного Ирака были близки древнемесопотамским. Но в этом в целом верном выводе есть два существенных исключения. Во-первых, сейчас твердо установлено, что на протяжении тысячелетий русла Тигра и Евфрата, их притоки и магистральные каналы неоднократно меняли свое местоположение, а это, естественно,

113

влекло за собой резкие сдвиги в расселении древних общин. Во-вторых, до сих пор не решен вопрос о северной границе Персидского залива в древности. Остановимся подробнее на этих двух проблемах.

ТИГР И ЕВФРАТ

До IV тысячелетия до н.э. Тигр и Евфрат сливались вместе в северной части аллювиальной равнины, образуя ряд параллельных русел и протоков. Лишь позднее Тигр «ушел» восточнее, примерно туда, где он течет и сейчас, и принял одноруловую, близкую к современной форму, а земли между Тигром и Евфратом по большей части превратились в мертвую пустыню.

«По пути через Ирак, — пишет Сетон Ллойд, — прежде чем дойти до линии Хит — Самарра, реки текут по руслам, которые они сами пробрили в твердом известняке и сланце, так что их течение вряд ли изменилось с доисторических времен. Поэтому такие города, как Каркемиш, Ниневия, Нимруд и Ашшур, и сейчас стоят на речных берегах. К югу от той же линии мы наблюдаем совершенно иную картину. Здесь реки блуждают по аллювиальной равнине, часто меняя русло и разветвляясь на рукава. Кроме того, как все реки со значительным количеством ила и с небольшим уклоном, они, откладывая ил, постепенно поднимают собственное ложе. В пору разлива, выходя из берегов, они могут образовывать огромные озера и болота. Иногда и сама река меняет свое русло. Вот почему некоторые великие города Месопотамии, некогда стоявшие на берегах Тигра и Евфрата, сейчас представляют собой гигантские развалины на высохших полях, затерянных в глубине безводной пустыни».

Значительную работу по изучению древних поселений на юге Месопотамии и по реконструкции экологической среды, в которой эти общины существовали, провел в 60—70-х годах известный американский археолог и историк Роберт Мак-Адамс. В книгах «Земли за Багдадом», «Урук и его округа», «Сущность городов», получивших широкое признание, он дал глубокую и всестороннюю характеристику природно-географических условий Ирака, оказавших непосредственное влияние на развитие древних городов-государств. Проанализировал он и различные виды хозяйственной деятельности, в том числе — ирригационное земледелие. С помощью топографических карт, аэрофотосъемки и данных своих раз-

114

ведок (по размещению древних поселений на местности) он с большим искусством воссоздал тот природный фон, на котором возникла и развилась месопотамская цивилизация: Р. Мак-Адамс убедительно доказал, что в древности природные условия на юге Ирака заметно отличались от современных. Русла рек и протоков проходили тогда в иных местах, чем сейчас, а многие удаленные от Тигра и Евфрата районы были связаны с ними ныне исчезнувшими магистральными каналами. Правда, большинство природных процессов остались здесь неизменными: засоление почв, динамика изменения объема воды в реках, формирование берегов, регулярность наводнений и паводков, заиление и т. д. Это и позволило ученому с помощью аэрофотосъемки и детальных топографических карт выявить общие закономерности природно-климатических изменений в районе от Багдада до Персидского залива и реконструировать события отдаленных эпох.

Мы узнали не только о преобладающей роли Евфрата в жизни населения древней Месопотамии, но и получили развернутое и убедительное объяснение, почему было именно так: меньший объем воды в этой реке, малая скорость течения, пологие берега, наличие вместо единого русла нескольких параллельных и взаимосвязанных рукавов. Более могучий и полноводный Тигр стал широко использоваться человеком для искусственного орошения лишь в сравнительно поздний период — в парфянский (I век до н.э. — III век н.э.) и особенно в сасанидское (III — VII века) время.

Евфрат — отнюдь не самая крупная река в мире. По объему воды он в два раза уступает показателям его брата-близнеца — Тигра; в три раза меньше Рейна и Нила; в десять раз меньше Дуная и Волги. «Но это, — подчеркивает Р. Мак-Адамс, — не может заслонить тот факт, что в мире нет других таких рек, которые сыграли бы столь же важную и длительную роль в истории человечества, как Евфрат». Евфрат — это причудливо изогнутая, коричневая,

пульсирующая артерия, которая несла и несет дар жизни в безводную южно-месопотамскую пустыню. И без учета этого фактора невозможно понять загадку происхождения и последующего прогрессивного развития первой на Земле городской цивилизации — шумерских городов-государств.

Весьма интересны приводимые Р. Мак-Адамсом конкретные данные (на основании современных наблюдений) о количестве земель, орошаемых Евфратом в зимние месяцы, то есть во время со-

115

зревания урожая. Они колеблются от 6—7 до 36 тысяч квадратных километров — в зависимости от объема воды в реке (максимум — в апреле). Средняя цифра искусственно орошаемых земель в Месопотамии составляла, по Р. Мак-Адамсу, около 8 тысяч квадратных километров. Столько же земли находилось под паром.

Интересно сравнить эти данные со сведениями письменных источников по Лагашу — одному из крупнейших городов-государств Шумера. Это автономное государственное образование занимало, по вычислениям ИМ. Дьяконова, около трех тысяч квадратных километров, из них не менее трети приходилось на искусственно орошаемые земли.

Если учесть, что в первых веках III тысячелетия до н.э. в Шумере существовало около полутора десятков не зависимых друг от друга номов, или городов-государств, и каждый из них, подобно Лагашу, имел не менее тысячи квадратных километров орошаемых земель, то вычисления Р. Мак-Адамса выглядят вполне убедительными.

Вместе с тем он подчеркивает большие издержки месопотамской ирригации, и прежде всего быструю засоляемость почвы. Причинами ее он считает небольшую скорость водотока в мелких речных руслах и каналах, значительную испаряемость воды в условиях сухого и жаркого климата, наличие солей в речной воде и т. д.

Р. Мак-Адамс вопреки традиционным и широко распространенным взглядам не считает Месопотамскую аллювиальную равнину сугубо однородной природно-географической областью. Он выделяет в ее пределах две природно-хозяйственные зоны. К первой он относит сравнительно узкую полосу зеленой зоны вокруг Евфрата, занятую интенсивным ирригационным земледелием. Там сосредоточивалась основная масса оседлого населения. Вторая зона занимала обширные районы по обе стороны реки с первичными, девственными условиями, почти не измененными воздействием человека (регулярно заливаемые во время паводков и посезонно наполненные водой углубления, болота, засушливые участки, степи, тростниковые заросли). Эти условия благоприятствовали развитию охоты, рыбной ловли, скотоводства и т.д. Здесь жили кочевые и полукочевые племена, часто находившиеся в тесной связи с жителями городов и селений зеленой зоны.

ЗАГАДКА ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

Одна из наиболее сложных проблем, связанных с древней экологией Месопотамии, — это проблема геологического образования дельты Тигра и Евфрата на юге области. Долгое время ученые были твердо убеждены в том, что значительную часть современной Месопотамской равнины создали аллювиальные наносы рек, постепенно отодвигавших северную границу Персидского залива все дальше и дальше к югу. Казалось несомненным и то, что этот процесс происходил в очень отдаленную эпоху, **поскольку большая часть равнины усеяна целыми россыпями древних теплей, появившихся в данном регионе не позднее конца VI тысячелетия до н.э. Однако на самой южной окраине Месопотамской аллювиальной равнины, на широте древнего города Ура (близ современной Насирии), находится какая-то невидимая черта, южнее которой теплей больше нет.**

Между этой чертой и современным побережьем Персидского залива лежит обширный и почти незаселенный район болот и озеро. Тогда и возникла версия о том, что некогда залив простирался вплоть до Ура. Это хорошо согласовывалось и с археологическими данными, и со свидетельствами древних клинописных текстов. Шумерский город Эреду, считавшийся

его жителями еще в 3-м тысячелетии до н.э. древнейшим в мире, описан в местных документах как «стоящий на берегу моря». Древний Ур, находившийся всего в нескольких километрах от Эреду, судя по описаниям шумерских авторов, имел причалы, на которых разгружались морские корабли из дальних заморских стран — Дильмун, Маган и Мелухха.

Неподалеку от этого города, в Дикдиккахе, археологи нашли четыре глиняных конуса с надписями правителя Ур-Намму (конец III тысячелетия до н.э.). В надписях упоминается о каком-то месте регистрации, где правитель задерживал для досмотра корабли, идущие из страны Маган, и которое находилось на берегу моря, то есть

Персидского залива.

Но в 1952 году эта общепринятая точка зрения была опровергнута двумя английскими геологами — Лизом и Фэлконом, которые после длительных изысканий смогли показать, что береговая линия залива (в том числе и в северной его части) существенно не менялась начиная с III тысячелетия до н.э.

Однако, это утверждение подвергается в последнее время все более острой критике как со стороны представителей естественных

117

наук, так и со стороны археологов. При этом приводятся весомые доводы и экологического, и исторического порядка. Персидский залив — это большой, но сравнительно мелководный бассейн. Поэтому его северная береговая линия особенно чувствительна ко всем колебаниям уровня Мирового океана, вызванным климатическими изменениями. В заливе нет глубин свыше 100 метров. А еще 15 тысяч лет назад предшественники современных рек Тифа и Евфрата впадали прямо в Оманский залив, то есть на 800 километров юго-восточнее современного Шатт-эль-Араба (совместная дельта Тигра и Евфрата). Персидского же залива не было тогда вообще. Действительно, границы залива в разные эпохи, особенно в эпохи, значительно удаленные от нас, установить сейчас нелегко. Поэтому категоричность выводов Лиза и Фэлкона о неизменности этих границ с глубокой древности нельзя признать обоснованной. В настоящее время накапливается все больше данных о том, что в конце плейстоцена имело место заметное расширение пределов залива в северном направлении. С другой стороны, если судить по работам геологов Ларсена и Эванса, то можно предположить, что северная граница Персидского залива в течение последних пяти тысяч лет отступала к югу до тех пор, пока она не достигла своих современных пределов.

Сейчас в научной литературе о Месопотамии преобладает компромиссная точка зрения, предложенная историком Т. Якобсеном. Он основывался на одной невзрачной на первый взгляд археологической находке: в шумерском городе Эреду при раскопках храма бога Энки было обнаружено древнее ритуальное приношение в виде груды костей морского окуня, вернее, той его разновидности, которая может жить только в слегка солоноватой воде речной дельты, подверженной регулярному воздействию морских приливов. Не исключено, что обширная и неглубокая выемка, у которой стоит Эреду, была в древности частью целой системы озер, соединенных в свою очередь глубокими протоками с устьем Евфрата и Персидским заливом. Точно так же Ур находился на древнем русле Евфрата, за которым начиналась вплоть до залива цепь обширных озер и болот. Он был, как и Эреду, речным, а не морским портом, хотя и связанным непосредственно с водами залива.

«В настоящее время, — подчеркивает С. Ллойд, — Двуречье... выглядит совсем иначе... Берег моря отступил далеко на юг. Евфрат и Тигр не текут, как в древности, параллельно, а от широты

118

Багдада к югу расходятся в стороны и затем снова сближаются так, что Верхняя и Нижняя Месопотамия образуют как бы «восьмерку», и далее сливаются в одну реку Шатт-эль-Араб, которая и впадает в Персидский залив... Земли между Тигром и Евфратом превратились в мертвую пустыню — отчасти из-за постепенного разрушения оросительной системы за время длительного чужеземного владычества, отчасти из-за засоления почвы вследствие нерационального орошения начиная уже с древних времен».

Таков был тот общий экологический фон, на котором разыгралась историческая драма, связанная с рождением первой городской цивилизации нашей планеты.

119

ГЛАВА 6. УР — ПОТЕРЯННЫЙ ГОРОД ШУМЕРОВ

И все ушло...

Там, где вчера вздымалась к небу

Столица гордых королей,

Сегодня первозданный хаос

Из мертвой глины и камней

Застыл в бездонной тишине.

Мору Иосуфу Гива, Нигерия

ЖИВАЯ ЛЕТОПИСЬ ЗЕМЛИ

В мае 1980 года, после окончания последнего полевого сезона в Ярым-тепе, когда мы перед отъездом на родину отдыхали на гостеприимной базе ниневийской археологической экспедиции в Мосуле, к нам неожиданно явились гости: Тарих Мадлун — глава постоянно действующей иракской экспедиции в Ашшуре и несколько его молодых коллег. Небольшого роста, смуглый и энергичный Тарих был знаком со многими из нас давно, еще с первых лет нашего пребывания в солнечной Месопотамии. Он постоянно возглавлял крупные археологические проекты Директората древностей Иракской Республики и по праву считался одним из наиболее опытных и квалифицированных археологов страны. Тарих приехал в Мосул за 140 километров только для того, чтобы лично пригласить нас осмотреть древний Ашшур и ведущиеся там раскопки. Предложение было соблазнительным. И, несмотря на усталость и чемоданное настроение перед отъездом в Багдад, мы решили совместить приятное с полезным и со всем своим имуществом и машинами двинуться в Ашшур, провести там день и уже оттуда выехать в иракскую столицу. Древнейший центр Ассирийской державы (город упоминается в клинописных текстах с XIV века до н.э.) — Ашшур живописно раскинулся на крутом правом берегу Тигра. В этом

120

месте широкая и многоводная река делает крутой поворот и, обогнув низкий намывной остров посередине, с грозным ревом устремляется дальше на юг, к Персидскому заливу. Гостеприимные хозяева показали нам прежде всего свою капитальную, похожую на крепость экспедиционную базу — массивный каменный двухэтажный дом на самом берегу, с великолепной открытой террасой. Оказалось, что этот дом построил еще в конце XIX века Вальтер Анд-ре, возглавлявший здесь многолетние исследования немецких археологов. В годы первой мировой войны здание было разрушено, и лишь в 70-х годах его восстановили и успешно использовали для своих нужд наши иракские коллеги. Достопримечательностей в древнем Ашшуре хватало с избытком. Наши глаза лихорадочно перебежали от одного заслуживающего внимания объекта на другой. Вот раскопанный и прекрасно отреставрированный дворец конца I тысячелетия до н.э. (парфянский период). Вот дом жреца ассирийского времени, со школой для будущих священнослужителей, молельней и местом для жертвоприношений, где сохранился даже сток для крови принесенных в жертву животных. Но самое сильное впечатление от встречи с прошлым ждало нас впереди.

На одном из центральных участков городища, близ самого берега Тигра, весенние потоки на протяжении многих лет образовали в культурном слое глубокую промоину, нисходящую прямо к речной воде. Высота берега достигает здесь не менее 12 — 15 метров. И почти вся его земляная толща состоит из следов человеческого обитания самых разных эпох — от энеолита (Халаф или ранний Убейд — V тысячелетие до н.э.) до мусульманского средневековья. Естественно, археологи не преминули использовать эту игру природных сил для своих собственных нужд. Промоину углубили до самого дна, до речного песка, тщательно зачистили обе ее длинные стенки, отстоящие друг от друга по прямой на 25 — 30 метров, и получился идеальный гигантских размеров археологический разрез. Говорят, что эту нелегкую работу начал еще Вальтер Андре, а продолжили ее, уже в наши дни, сотрудники иракской экспедиции. Мы осторожно подошли к самому краю искусственного каньона. Далеко внизу, в тени берегового откоса, глухо шумели коричневые воды Тигра. Я

посмотрел на стену каньона внимательнее и ахнул: передо мной лежала живая летопись страны. Начиная почти от самой поверхности, по вертикальным срезам земли шли и шли вниз бесконечные слои с осязаемые следами эпох и культур, про-

121

шумевших здесь на протяжении тысячелетий. Из желтовато-серого лёсса повсюду торчали куски громадных глиняных хумов — сосудов для хранения масла, зерна и пива, печи для обжига керамики, остатки стен каменных и глинобитных зданий, человеческие кости и даже целые захоронения в глиняных гробах. Более впечатляющего зрелища я никогда больше не видел: вся бесконечно долгая история Месопотамии предстала вдруг перед нами. Парфяне, персы, вавилоняне, ассирийцы, шумеры и их безыменные предшественники раннеземледельческой поры — все они побывали в Ашшуре и оставили после себя вполне реальные следы. Жили и умирали целые народы, расцветали и гибли города, одна цивилизация сменяла другую, и каждый раз на месте города мертвых вырастал город живых. Стоя на краю этого мрачного провала как никогда ясно осознаешь и быстротечность времени и чудовищную тяжесть веков, формировавших традиции нашей современной культуры.

На последнем выступе земли, перед речной водой, смутно белели кости человеческого скелета и несколько черепков грубой керамики. «Это — начало Ашшура, — сказал Тарих Мадлун, — останки человека времен неолита, V или начало IV тысячелетия до н.э.».

Вдали, на плоском острове посреди Тигра, группа местных крестьян в длинных белых рубахах кончила собирать вязанки хвороста и снопы травы и двинулась к поджидавшей их лодке. Глядя на длинную вереницу согбленных фигур, было легко представить себе нескончаемую цепочку людей предыдущих поколений, пронесших бремя человеческого труда сквозь туман прошлого. Семь тысяч раз сеяли хлеб и семь тысяч раз собирали урожай с тех пор, как первый предок современных иракских феллахов поселился на крутых прибрежных откосах Ашшура.

А первые достижения эпохи цивилизации? Известно, что самую раннюю цивилизацию нашей планеты создали в конце IV тысячелетия до н.э. шумеры. Но они обитали не дальше широты Багдада. На север с караванами торговцев попадали лишь изделия их искусных мастеров. Значит, даже на этой самой полной исторической схеме, которую мы сейчас рассматриваем, нет и не может быть отдельного шумерского слоя?

И в этот момент, вдоволь насладившись произведенным эффектом, Тарих Мадлун ткнул пальцем куда-то в нижнюю треть разреза и сказал: «Там вы видите остатки культуры, соответствующие урукскому периоду на юге, в Шумере». Это и был ответ на мой не-

122

высказанный вопрос: урукский период в истории Месопотамии (середина — конец IV тысячелетия до н.э.) соответствовал как раз появлению первых шумерских городов-государств. В долгом развитии общества совершился тогда поистине революционный скачок: из пещер, шалашей и глинобитных лачуг жители Южного Ирака переселились в обнесенные стенами благоустроенные города, с их дворцами и храмами, процветающими ремеслами и торговлей, письменностью и развитым искусством. В данном регионе этот переход совпал с рождением первых раннеклассовых государств. Правда, они были еще крайне немногочисленны и напоминали собой островки, затерявшиеся в бескрайнем море окружавшего их первобытного варварства.

СЛОВО О ШУМЕРЕ

«О Шумер, великая земля среди всех земель Вселенной, залитая немеркнущим светом, определяющая божественные законы для всех народов от восхода до заката!» — воскликнул когда-то шумерский поэт, отражая в поэтической форме факт бесспорного культурного и военного превосходства обитателей Южного Двуречья над их ближайшими соседями.

В действительности Шумер — небольшая страна. Ее площадь — чуть меньше современной Бельгии. Вся жизнь концентрировалась здесь вокруг рек и каналов. Поэтому «колыбель цивилизации» представляла собой практически длинную и узкую полосу земли, протянувшуюся от широты Багдада до гнилых болот по берегам Персидского залива. Эту территорию поделили между собой несколько городов-государств.

«Вскоре после 3000 года до н.э., — отмечает выдающийся английский ученый Г. Чайлд, — древнейшие письменные документы дают нам картину социальной и экономической организации Шумера и Аккада. Страна была разделена между 15 городами-государствами, каждый из которых был политически автономен, но все они имели общую материальную культуру, религию, язык и все в значительной мере были связаны друг с другом экономически».

Клинописные тексты сообщают, что в начале III тысячелетия до н.э. на территории Шумера, в междуречье Тигра и Евфрата — от Багдада до Басры, существовало около полутора десятков небольших, автономных городов-государств, каждый из которых имел династию правителей.

123

В раннединастический период (с 2750 года до н.э.) источники упоминают о 13 таких городах-государствах, более или менее точно привязанных к современной географической карте: Сиппар, Киш, Акшак, Ларак, Ниппур, Адаб, Умма, Лагаш, Бад-Тибира, Урук, Ларса, Ур и Эреду.

Если исходить из шумерских мифов и преданий, то строительство первых городов было делом рук небесных богов. Неудивительно, что первая пятерка таких городских центров, появившихся столь необычным способом ("божьих рук работа"), названа в древних текстах святилищами, где отправлялся культ важнейших богов шумерского пантеона.

Когда... царская власть спустилась с небес, Когда возвышенная тиара и царский трон спустились с небес, Он (Бог. — В.Г.) создал обряды и высшие божественные законы...

Он основал пять городов в... священных местах,

Он дал им имена и сделал их главными святилищами...

Имена этих городов: Эреду, Бад-Тибира, Ларак, Сиппар, Шуруппак.

Самое поразительное в том, что эти пять первых и наиболее почитаемых городов никогда не были в истории Месопотамии сколько-нибудь крупными и политически-влиятельными центрами.

Несмотря на отсутствие государственного и полного культурного единства (наличие местных культов богов, местных мифологических циклов, локальных черт в скульптуре, глиптике, прикладном искусстве, диалектов языка), все города-государства Шумера в целом были культурно близки. Во-первых, у них было одинаковое самоназвание — черноголовые (по-шумерски — сангнигига). Во-вторых, общим для всей Месопотамии культ верховного божества — бога воздуха Энлиля в Ниппуре. В-третьих, общими были архитектурные традиции и религиозная символика (цилиндрические печати). В-четвертых, на всей шумерской территории существовала единая система письменности.

Город в Шумере находился в самом центре всей экономической, социальной и культурной жизни.

«Шумерская цивилизация, — пишет известный американский историк и лингвист Сэмюэль Н. Крамер, — была в целом город-

124

ской по характеру, хотя и основывалась скорее на сельскохозяйственной, нежели на промышленной базе. В III тысячелетии до н.э. Шумер состоял из дюжины (или около того) городов-государств, а последние в свою очередь имели обычно один большой, обнесенный стенами город, который окружали окрестные селения и деревушки. Выдающийся чертой каждого города был главный храм, расположенный на высокой террасе, превращающейся постепенно в массивную ступенчатую башню — зиккурат...».

Вместе с тем, следует еще раз подчеркнуть специфический характер этих ранних городов, так не похожих на современные. «Следует учитывать, — подчеркивает И. М. Дьяконов, — что «город» в древности всегда был центром не только и даже не столько ремесла и торговли, сколько сельскохозяйственного производства».

УР ХАЛДЕЕВ

На фоне других шумерских городов звездой первой величины был безусловно, Ур. Не случайно его имя так часто упоминается в эпических поэмах и гимнах того времени:

О город, всем обеспеченный,

Омываемый водами неиссякаемыми,
Незыблемый бык,

Помост изобилия страны, зеленая гора,
Город, чьи судьбы определил Энки,
Святылище Ур, да вознесешься ты до небес!

Начать с того, что он существовал необычайно долго — от первых шумерских царей (начало III тысячелетия до н.э.) до эпохи Дария и Александра Македонского. Ни бесчисленные вражеские нашествия, ни стихийные бедствия не могли заставить его жителей покинуть веками насиженное место. Но то, чего не сумели сделать полчища завоевателей, сделала природа. Евфрат внезапно изменил свое русло и ушел почти на 16 километров к востоку от стен города. Без воды на этой раскаленной равнине нельзя было прожить и дня. И вскоре блистательный Ур превратился в скопление безликих холмов, окрашенных в серо-желтые цвета пустыни.

Со временем были забыты не только многие страницы истории города, но и его местонахождение. Еще совсем недавно наши све-
125

дения об Уре ограничивались лишь несколькими туманными цитатами из Библии да ассирийскими клинописными текстами, созданными много веков спустя после исчезновения государства шумеров. Мы знаем, например, из позднейших надписей, что в XVII веке до н.э. вавилонский царь Хаммурапи подверг восставший город ужасающему разгрому. «Скорбная песня Ура» сообщает нам об этом печальном событии, сравнивая его с бурей, насланной на горожан разгневанным Энлилем:

Буря, вызванная разгневанным Энлилем,
Буря, уничтожившая страну,
Накрыла Ур словно платком, Окутала его словно саваном...
О, отец Нанна, этот город превратился в развалины!

Видимо, именно в эти годы и покинули поверженный Ур Авраам и его семья. «И умер Арран при Фарре, отце своем, в земле рождения своего, в Уре Халдейском, — сообщает Ветхий завет, — тогда взял Фарра Авраама, сына своего, и Лота, сына Арранова, внука своего, и вышел с ними из Ура Халдейского, чтобы идти в землю Ханаанскую...» После этого Библия уже не упоминает об Уре.

Город пришлось отыскивать заново уже в XIX столетии. В 1854 году Д.Е. Тейлор — английский консул в Басре — впервые установил, что скопление руин, известное среди местных бедуинов под названием Телль-аль-Муккайир (Смоляной Холм), — это и есть древний Ур, что подтверждали найденные здесь клинописные глиняные таблички. Однако к широким раскопкам археологи смогли приступить лишь спустя много лет. В 1922 году англичанин Леонард Вулли начал свои двенадцатилетние работы в центральной зоне огромного городища. Пышные дворцовые ансамбли, массивные стены храмов, ступенчатые башни-зиккураты и, наконец, фантастические по богатству царские захоронения появлялись из глубин земли. Драгоценные находки исчислялись тысячами. Большая их часть хранится ныне в Иракском музее в Багдаде, в специальном шумерском зале. Мне неоднократно приходилось бывать там. И каждый раз, глядя на сверкающую груды золотых и серебряных изделий, укрытых за стеклами музейных витрин, я не мог отделаться от мысли, что все это археологическое богатство, вырванное из своего естественного окружения, выглядит как-то уж очень обыденно и статично. Теперь оставалось лишь гадать, как смотрелась

126

та или иная вещь в сумраке только что вскрытой гробницы, на фоне многоцветной палитры красок, сопутствующих седой древности: яркой зелени окислившейся меди, охристых пятен полусгнившего дерева, матово-желтых овалов человеческих костей и черепов.

«Лучше один раз увидеть»... — гласит известная поговорка. Нам известны имена шумерских полководцев, царей и жрецов. Но разве звучание диковинных имен может дать представление об их эпохе? Необходимо со всей отчетливостью представить себе то естественное окружение, тот конкретный исторический фон, на котором жили и творили эти

полулегендарные герои седой древности. А для этого есть лишь одно средство — посетить древний город, увидеть те внушительные укрепления, пышные храмы и дворцы, о которых так красочно рассказали клинописные тексты Двуречья.

И вот ранним мартовским утром наш выдавший виды экспедиционный газик, деловито пыхтя, вскарабкался на крутой глинистый откос за голубой лентой Евфрата, и мы увидели перед собой то, что осталось от древнего Ура.

На голой желтовато-серой равнине смутными тенями маячило несколько групп больших и малых холмов, виднелись какие-то непонятные впадины и ямы. Здесь не было и намека не некогда грозные городские укрепления—зубчатые глинобитные стены и башни, храмы и дворцы. Бесследно исчезли и массивные купола царских гробниц, раскопанных свыше 50 лет назад Леонардом Вулли.

ЗИККУРАТ УР-НАММУ

И все же сохранился в Уре памятник, способный удовлетворить запросы самого взыскательного ценителя древностей. Над всем окружающим пейзажем, над бесплодной выжженной землей, полуразмытыми холмами, провалами старых археологических раскопов и ям, вырытых грабителями, гигантским утесом высится, как бы паря в звенящем от зноя воздухе, желтая ступенчатая башня. Это и есть знаменитый зиккурат Ур-Намму — массивный постамент для главного храма города, построенного в честь бога Луны Нанна. Раскопанный и тщательно отреставрированный англичанами в 20-е годы, он разительно отличается от других малоприметных руин Ура совершенством пропорций и степенью сохранности.

Зиккурат выстроен из сырцового кирпича и покрыт сверху почти трехметровым «панцирем» из обожженного кирпича, скреплен-

127

ного раствором битума. Его основание — 60 на 45 метров. Прежде он состоял по меньшей мере из трех ярусов, или этажей, но в настоящее время уцелел лишь первый этаж и часть второго. Эта внушительная глиняная масса создает впечатление легкости и изящества благодаря своим совершенным пропорциям и слегка закругленным линиям. Долгое время считалось, что подобный прием изобрели греки при строительстве знаменитого Парфенона. В действительности же, как мы видим, это случилось почти на две тысячи лет раньше.

На свободной площади ступеней-террас зиккурата когда-то были посажены деревья. Для этого наверх принесли слой плодородной земли и сделали специальные водоотводные сооружения для полива растительности дождевой водой. Зеленая гора зиккурата, высоко вздымавшаяся над зубцами городских стен, была видна издалека, четко выделяясь на желто-сером фоне унылой Месопотамской равнины. Зиккурат Ур-Намму — один из немногих уцелевших до наших дней прямых свидетелей далекого прошлого. Все яростные вихри истории оставили на нем свой приметный след. Все правители Ура внесли посильную лепту в его сооружение и отделку. Чтобы документально увековечить свой строительный пыл, каждый царь спешил замуровать в толще стен ступенчатой башни клинописную табличку или цилиндр с перечнем своих заслуг перед потомками:

«Во славу владыки своего Нанна, славнейшего из сыновей Энлиля, могучий муж Ур-Намму, правитель Урука, царь Ура, царь Шумера и Аккада, воздвиг Этеменигуру возлюбленный им храм».

Зиккурат стоял в самом центре древнего города — в теменосе, или священном квартале, который предназначался только для храмов и царских дворцов. Его фундамент уходил в сумрачные глубины земли, а вершина упиралась в небо, отражаясь в плавных водах Евфрата. Он был мудр, как сфинкс, и неподвластен времени, как пирамиды фараонов. Вся история Ура, от ее смутных истоков и до драматического финала, прошла на глазах седого исполина. Он мог бы рассказать о красоте и богатстве царицы Пуаби, воинских подвигах Мескаламдуга — «Героя Благодатной страны», увенчанного за храбрость золотым шлемом, о лихорадочном строительстве новых каналов, храмов и дворцов во времена правителей Третьей династии Ура — Ур-Намму и Шульги (конец III тысячелетия до н.э.), о росте могущества и богатства Урского государства. Но постепенно слава города стала меркнуть и кло-

ниться к упадку. Ур захватили враги. Может быть, именно у подножия зиккурата пал, обливаясь кровью, последний защитник города, сраженный эламитской стрелой:

Когда они (эламиты. — В.Г.) пришли, вокруг все истребляя, Уничтожая все, как яростный поток, За что, за что, Шумер, тебе кара такая? Из храма изгнаны священные владыки, Разрушен город, алтари разбиты, и всей страной владеют эламиты.

Шумерский гимн

После эламитского погрома в начале II тысячелетия до н.э. город прозябал, чуть согреваемый слабыми отблесками былой славы. Его медленная агония затянулась почти на 15 веков. Только после 4 века до н.э. Ур окончательно исчезает из поля зрения древних летописцев и превращается в груды развалин. Но зиккурат, восстановленный и обновленный незадолго до этого вавилонскими царями Навуходоносором и Набонидом (6 век до н.э.), успешно выдержал разрушительное воздействие времени и донес до наших дней спокойную простоту и величие монументального шумерского зодчества.

ТЕМЕНОС УРА

Мы медленно поднимаемся по широкой лестнице из ста ступеней на плоскую вершину зиккурата. Жарко и душно. Ветра почти нет. Нестерпимо печет полуденное солнце. Но зато отсюда, почти с двадцатиметровой высоты, открывается великолепный вид на всю территорию города и его окрестности. Справа, у подножия зиккурата, хорошо видны фундаменты и стены дворцового комплекса правителя Шульги, жившего в конце III тысячелетия до н.э., неподалеку — глубокий котлован старого раскопа Леонарда Вулли и район исследованных им же царских гробниц. А дальше, уже за пределами ритуально-административного центра Ура — теменоса, чуть заметной желтой массой выделяются лабиринты жилых кварталов. Все видимые нами сейчас постройки относятся к разным эпохам: здесь и III, и II тысячелетия до н.э. Но большинство датируется концом III тысячелетия до н.э., эпохой наивысшего расцвета, или периодом правления Третьей династии Ура.

129

В течение столетия, с 2112 по 2015 год до н.э., Ур стал столицей обширного и могучего государства. Сюда стекались захваченные в войнах богатства, а искусные мастера без устали возводили все новые храмы, дворцы и монументы. Правда, честь такого строительства всегда приписывали себе цари, и особенно самый известный из них — Ур-Намму. «Во славу владычицы своей Нингаль, Ур-Намму, могучий муж, царь Ура, царь Шумера и Аккада, воздвиг сей великолепный Гипар», — читаем мы на глиняном конусе клинописное посвящение в честь закладки нового храма. Его дело продолжали и другие представители Третьей династии. Поэтому не приходится удивляться, что к концу III тысячелетия до н.э. Ур был буквально заполнен великолепными архитектурными ансамблями. Надписи сообщают, что Ур-Намму воздвиг стены Ура, «подобные желтой горе». В то время город представлял собой в плане неправильный овал длиной около километра и шириной до 700 метров. Его окружала стена с крутым внешним откосом из кирпича-сырца. Воды Евфрата омывали стены с запада и севера, а восточную часть защищал глубокий и широкий канал. Таким образом, Ур с трех сторон окружала вода, и подойти к нему по суше можно было лишь с юга.

Центр города занимал огромный священный участок, с храмами и святилищами бога Луны Нанна — покровителя Ура, с жилищами жрецов, складами, мастерскими и дворцами правителей. Вокруг теменоса теснились жилые кварталы. На севере и западе города, близ Евфрата, находились главные торговые пункты Ура — Северная и Западная гавани.

Между тем, пока я, рассматривая с высоты руины Ура, предавался размышлениям, погода резко изменилась. Юго-западный ветер — хамсин — с Аравийского полуострова принес тучи мельчайшей пыли и песка. Солнце пропало в мутной дымке, но жара и духота от этого лишь усилились. Видимость резко сократилась. Ни о фотографировании, ни о нормальном осмотре древнего города больше не могло быть и речи. Вот уж действительно «буря... накрыла Ур словно платком, окутала его словно саваном...», — как и писал об этом тысячелетия назад безымянный шумерский поэт.

Внизу, у подножия лестницы зиккурата, слышны призывные крики нашего добровольного экскурсовода — местного сторожа Ахмеда. Он торопится: пока буря не набрала силу, нужно успеть

130

показать нам хотя бы самые главные объекты. Мы, спотыкаясь о куски сухой глины и обломки кирпичей, спешим к местным достопримечательностям. Ветер больно сечет лицо мелким песком, забивает пылью глаза, уши, рот.

На участке дворцов и храмов близ зиккурата видны лишь куцые обрубки низа глинобитных стен, да недавно залитые укрепляющим раствором прямоугольные и квадратные полы бесчисленных комнат и помещений. Самые внушительные постройки так же относятся ко времени Третьей династии. Здесь были обнаружены апартаменты царей и жрецов. Отсюда осуществлялось руководство всей жизнью страны, награждались отличившиеся, наказывались виновные, принимались решения о войне и мире. И все это во имя великого Нанна и его супруги Нингаль.

ШЕСТВИЕ МЕРТВЕЦОВ

Под завывания набирающей силу бури выходим на восточную часть теменоса, в район царского могильника. Здесь Леонард Вулли раскопал 16 гробниц властителей города, правивших во времена Первой (первая половина III тысячелетия до н.э.) и Третьей династий Ура. Эти находки не только прославили имя исследователя, но и навечно внесли сокровища урских царей в анналы мировой археологии. Правда, все найденные в могилах вещи находятся сейчас в музеях Багдада, Лондона и Филадельфии. А на месте, в Уре, уцелело лишь несколько поздних гробниц Третьей династии, со сводчатым перекрытием, сложенных из обожженного кирпича. От более древних погребений остались лишь глубокие ямы. Осторожно спускаемся по крутым кирпичным ступенькам внутрь одной из гробниц на глубину до 10 метров. В погребальной камере пусто и сыро. Никаких следов былой роскоши и богатства. Но в памяти тут же возникают яркие описания раскопок царского кладбища в Уре из прочитанных прежде научных отчетов и книг.

Наиболее знамениты две гробницы Первой династии: гробница Мескаламдуга и гробница жрицы или царицы, имя которой мы не умеем еще с уверенностью прочитать; если читать его по-семитски, оно, вероятно, звучало бы Пу-аби* ... Пу-аби была погребена в подземном сводчатом склепе, где она лежала... на деревянном ложе, в плаще из синих лазуритовых бус, в пышном головном уборе

* Прежде это имя ошибочно читалось как Шуб-ад

131

из золотых листьев, венков и заколок в виде цветов. Вокруг склепа было выкопано довольно обширное помещение, в котором с серебряными лентами в волосах и в цветных плащах сидели трупы десятков женщин из свиты, музыкантов, видимо, усыпленных или добровольно отравившихся. Тут же найдены поразительной работы арфы; к их резонаторам были приделаны золотые или серебряные головы быков с лазуритовой бородой (образ быка бога Луны Нанна) или священной коровы богини Нингаль. Найдены также золотые туалетные приборы, доски для игры в кости (вроде нардов) и разная драгоценная утварь. В засыпанном землей пологом спуске-коридоре, ведущем с поверхности земли в склеп, были обнаружены повозки, скелеты волов и их погонщиков, а также воинов в шлемах-шишаках и с копьями, как бы охранявших вход. Все эти люди, сопровождавшие Пу-аби в загробный мир, вряд ли могли быть рабами и рабынями... Поскольку шумеры были убеждены в продолжении жизни и в загробном мире, перспектива остаться там в свите властителя или властительницы едва ли особенно удручала тех, кто обречен был следовать за ними и в смерти». Так описывает это захоронение И. М. Дьяконов.

Еще более поразительные находки ждали археологов в могиле Мескаламдуга. «Тело, — вспоминает Л. Вулли, — лежало в обычной позе спящего на правом боку. Широкий серебряный пояс распался; к нему был подвешен золотой кинжал и оселок из лазурита на золотом кольце. На уровне живота лежала целая куча золотых и лазуритовых бусин — их было несколько сот. Между руками покойного мы нашли золотую чашу, а рядом — еще одну, овальную, тоже золотую, но крупнее. К правому плечу был прислонен двусторонний

топор из справа золота и серебра... Кости настолько разрушились, что от скелета осталась лишь коричневая пыль, по которой можно было определить положение тела. На этом фоне еще ярче сверкало золото, такое чистое, словно его сюда только что положили. Но ярче всего горел золотой шлем, который все еще покрывал истлевший череп. Шлем был выкован из золота в форме парика, который глубоко надвигался на голову и хорошо прикрывал лицо щечными пластинами. Завитки волос на нем вычеканены рельефом, а отдельные волоски изображены тонкими линиями... Локоны на щечных пластинах изображают бакенбарды... Если бы даже от шумерийского искусства ничего больше не осталось, достаточно одного этого шлема, чтобы отнести искусству древнего Шумера по-

132

четное место среди цивилизованных народов».

На двух золотых сосудах и на светильниках из могилы повторяется надпись: «Мескаламдуг. Герой Благодатной страны». Исключительное богатство погребения и почетное звание «Героя Благодатной страны» наводят на мысль, что Мескаламдуг был принцем из царского рода, но никогда не занимал трона.

Одной из самых выдающихся находок при раскопках царского некрополя по праву считается так называемый «штандарт» — две деревянные прямоугольные пластины длиной 55 и шириной 22,5 сантиметра, инкрустированные фигурами из перламутра по синему фону из ляпис-лазури. Фигуры образуют сложные композиции со сценами мирной жизни (пиршество знати) и военных действий (царь на боевой колеснице, запряженной двумя ослами, шествие пленных, бегство неприятеля и т.д.).

Л. Вулли, открывший царские могилы Ура, пишет Э. Церен, попытался восстановить похоронную процессию III тысячелетия до н.э. Вот как, по его мнению, это происходило. Когда умирал царь или царица, прежде всего выкапывали прямоугольную яму глубиной девять-десять метров. У одной ее стороны сооружали наклонный спуск, вход в могилу. На дне, в углу ямы, строили затем усыпальницу — каменный склеп с крепким кирпичным сводом. В одной из более длинных стен оставляли открытым вход.

Потом к могиле подходила траурная процессия с мертвым владыкой и несколькими приближенными, которые занимали места рядом с трупом в каменном склепе. Этих людей, очевидно, отравляли каким-то ядом. После церемонии вход в гробницу замуровывали. Начинаясь второй акт ритуала. Погребальная процессия — придворные, слуги, конюхи, возницы, воины и женщины — подходили к яме и опускались в нее по наклонному настилу, усыпанному цветами. Женщины были одеты в яркие красные одеяния, на которых сверкали драгоценности. Военачальники шли со всеми знаками отличия, музыканты — с арфами и лирами. За ними въезжали повозки, запряженные быками, или сани. На повозках сидели пажи или возницы, ездовые вельи упряжки под уздцы. В конце концов все занимали заранее отведенные им места; дежурные воины, замыкая процессию, становились на страже у выхода.

У всех мужчин и женщин в руках было по небольшой чаше — единственному предмету, необходимому для завершения обряда. Некоторые жертвы в последние минуты своей земной жизни долж-

133

ны были еще выполнять определенные задания. По крайней мере точно известно, что музыканты до самого конца играли на своих инструментах. И когда через тысячелетия гробница была вскрыта, их руки все еще судорожно сжимали струны арф или лир. В одной из гробниц археологи нашли посередине ямы большой медный горшок, в который, очевидно, был налит яд. По команде люди выпивали смертоносное зелье. После этого каждый садился на свое место в ожидании смерти и перехода в иную жизнь вместе с царем или царицей. Затем могильщики убивали жертвенных животных, клали лиры и арфы на тела умерших музыкантов и обрушивали сверху на еще борющихся со смертью людей груды земли, пока вся яма не оказывалась засыпанной.

Но жилые кварталы Ура, лежащие к востоку от теменоса, представляют для нас особый интерес еще и потому, что это чуть ли не единственный достоверный источник, по которому можно судить о домово́й архитектуре древнего месопотамского города.

Во время полевого сезона 1930/31 года Л. Вулли решил вдруг переключиться с храмов и гробниц царей Третьей династии Ура на один из жилых кварталов города. На выбранном им участке раскопки вскрыли на диво хорошо сохранившиеся дома периода Ларсы и Исина, предшествовавшего разорению Ура вавилонским царем Хаммурапи в 1780 году до н.э. Работы производились на площади около 8,5 тысячи квадратных метров силами полутора сотен

134

рабочих, так что удалось получить довольно полное представление о характере жилых построек города.

«...Ур застраивался без всякого плана, — пишет Вулли. — Узкие немощеные улицы извиваются между домами, неправильное расположение которых определялось прихотью частного владельца. Застроенные кварталы настолько обширны и здания стоят столь тесно, что добраться до домов, расположенных в центре квартала, возможно только тупиковыми переулками. Жилые здания в основном однотипны... Внутренний двор, соединенный с улицей коридором, окружен жилыми помещениями с лестницей, ведущей на второй этаж, — таков преобладающий характер построек самой различной величины и достаточно разнообразных форм. Среди жилых домов разбросаны строения меньшего размера, несомненно, лавки. Простейшая из них состоит всего из двух помещений; к улице обращено некое подобие торговой палатки, этакий демонстрационный зал, подчас с открытым фасадом, а за ним — длинное складское помещение... Стены всех построек сложены из кирпича; в нижних рядах кладки кирпич обожженный, выше — сырец. Снаружи стены оштукатурены и побелены... Улицы не были мощены-ми, их покрывала утрамбованная глина. В дождливую погоду она превращалась в непролазную грязь. Да и ширина улиц была такой, что по ним не смог бы проехать колесный экипаж... В городе грузы переносили люди или вьючные ослы... По сути дела Ур был типичным городом Востока. Правда, нечистоты не выливались здесь прямо на улицы, а вытекали в открытые каналы вдоль дорог, однако сухой мусор из домов выметали и выбрасывали под ноги прохожим...»

Всего Л. Вулли раскопал здесь около полусотни домов и лавок по обе стороны шести улиц. Принадлежали они, как выяснилось, средним горожанам — писцам, мелким торговцам и т. д. Установить это помогли глиняные таблички с клинописью, обнаруженные почти в каждом доме. В некоторых случаях благодаря табличкам удалось определить имя и род занятий хозяина дома, его судьбу. Тут были и долговые книги ростовщика, и школьные тетради. Но была и деловая переписка торговых партнеров, например в доме Эа-Насира. Этот дом, как и многие другие, стоял в тупике, и его боковые стены служили одновременно стенами соседних домов. Он был средних размеров, как по современным, так и по древним представлениям. Площадь первого этажа — около 140, а верхнего

135

— около 90 квадратных метров. Внутренний двор окружало всего пять помещений. Археологи установили, что прежде дом был больше, но затем два помещения в одном конце отгородили и включили в соседний дом. Видимо, Эа-Насир не слишком преуспевал в делах и вынужден был продать часть своих апартаментов соседям. Имя Эа-Насира упоминается в 18 табличках, большинство из которых найдено в его же доме. Из текстов следует, что хозяин посредничал в торговле медью. Преобладали деловые письма с предложением доставить поименованные количества меди со складов такого-то владельца такому-то. Одни письма выдержаны в сугубо деловом тоне, другие звучат довольно желчно — нашего торговца обвиняют в проволочках или в поставке слитков скверного качества. Особенно недоволен некий Нанни: «Ты сказал, придя: «Тимил-Син получит от меня добрые слитки». Это твои слова, но ты поступил иначе, предложил моему посланцу скверные слитки, сказав: «Хочешь бери, не хочешь — не бери». Кто я такой, чтобы обращаться со мной так высокомерно? Разве мы оба не благородные люди?...»

И хотя все эти данные относятся к несколько более позднему (начало II тысячелетия до н.э.) периоду, они вполне применимы и к жизни Ура времен господства Третьей династии.

ПО СЛЕДАМ ВСЕМИРНОГО ПОТОПА

Но пришла пора возвращаться. Используем ступенчатую башню зиккурата Ур-Намми в качестве ориентира, хотя и ее едва видно сквозь желтую кисею пыли. По дороге натываемся вдруг на какой-то провал в земле, настоящее ущелье глубиной не менее 20 метров. «Это — не естественное углубление, а раскоп Леонарда Вулли, в котором он нашел следы библейского потопа», — говорит уже бывавший здесь прежде Николай Яковлевич Мерперт, и мы застываем от неподдельного изумления. Как? Перед нами не игра природы, а творение рук человеческих? Раскоп, похожий на каньон! Теперь понятно, почему за свои двенадцатилетние работы в Уре Вулли получил из рук британской королевы почетный титул сэра.

В 1927 году как раз на этом самом месте он наткнулся на двадцатиметровой глубине на слой осадочной глины в два с половиной метра толщиной. Под слоем и над ним находки встречались в изобилии. Зато его содержимое было абсолютно чистым: в нем отсутствовали какие-либо следы деятельности человека. Объяснение

136

столь странному на первый взгляд факту могло быть только одно — наводнение, и притом, судя по толщине наносного слоя, катастрофическое по масштабам. И здесь Вулли вспомнил известную библейскую притчу о всемирном потопе: «...разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились, и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей... вода же усиливалась на земле сто пятьдесят дней».

Обложные ливневые дожди в условиях плоской лёссовой равнины Южной Месопотамии всегда несут с собой угрозу внезапного разлива Тигра и Евфрата и затопление обширных территорий. Но здесь, как считают некоторые ученые, было и нечто новое: полуторамесячные непрерывные дожди, видимо, совпали с особенно сильным южным ветром, частично повернувшим вспять речные воды от кромки Персидского залива. Результаты такого совпадения были ужасающими. Значительная часть Южно-месопотамской равнины со всеми городами и селениями на время оказалась под водой. Не свидетельствует ли все это о том, что следы потопа, обнаруженного в Уре, были именно тем, что описан в Библии?

Да, совпадений много. Но потоп в Уре происходил, как выяснилось, в начале IV тысячелетия до н.э., во времена убейдской культуры. Не приходится сомневаться, что это стихийное бедствие нанесло убейдским племенам на юге страны тяжелый, хотя и не смертельный удар.

Однако, о каком-то страшном наводнении говорит и шумерский эпос о Гильгамеше (конец IV — начало III тысячелетия до н.э.), причем совпадений в деталях с библейской версией потопа в нем еще больше. Суть рассказа такова. Шумерские боги решили наслать на людей страшную кару — всемирный потоп и погубить весь род человеческий. Лишь один почтенный муж, по имени Утнапиштим (Зиусудра), был предупрежден накануне. Он построил большую ладью и спасся в ней со своим добром и домочадцами. Очень достоверно описан в эпосе и сам потоп:

Едва занялось сияние утра, С основанья небес встала черная туча. Адду гремит в ее середине, Шуллаат и Ханиш идут перед нею, Идут гонцы горой и равниной. Эрагаль вырывает мачты,

137

Идет Нинурта, гать прорывает,
Подняли факелы Ануннаки,
Чтоб их сиянием зажечь всю землю.
Из-за Адду, цепенеет небо.
Что было светлым, во тьму обратилось,
Вся земля раскололась, как чаша.
Первый день бушует южный ветер,
Быстро налетел, затопляя горы,

Словно войною, людей настигая...

Ходит ветер шесть дней, семь ночей,

Потопом буря покрывает землю...

Как и библейский Ной, уцелевший в своем ковчеге, шумерский праведник Утнапиштим поочередно запускает птиц для поисков суши. Наконец, ворон приносит добрую весть: видна земля и происходит быстрый спад воды. Принеся жертву всемогущим богам, Утнапиштим становится прародителем рода человеческого.

Таким образом, ход событий вырисовывается уже сейчас достаточно отчетливо. В начале IV тысячелетия до н.э. на убейдские племена Южной Месопотамии обрушивается невиданное по силе наводнение, принесшее с собой неисчислимые жертвы и разрушения. Память о нем передавалась в виде устных рассказов местного населения до тех пор, пока в конце IV — начале III тысячелетия до н.э. их не записали шумерские жрецы. Через Вавилон и Ассирию это предание дошло в разных вариантах до I тысячелетия до н.э. и было целиком заимствовано при создании известного библейского мифа о всемирном потопе.

Да, история не пощадила подавляющее большинство архитектурных шедевров древнего Ура. Они погибли под воздействием природных стихий или же были разрушены вражескими армиями. Но и того немногочисленного, что осталось там до наших дней, вполне достаточно, чтобы познать красоту и богатство давно погибшей шумерской цивилизации.

138

ГЛАВА 7. ВАВИЛОН — «ВОРОТА БОГОВ»

Их было много, нежных и любивших,

И девушек, и юношей, и жен,

Ночей и звезд, прозрачно сереб्रивших

Евфрат и Нил, Мемфис и Вавилон!

И. Бунин

«СЕДЬМОЕ ЧУДО СВЕТА»

За долгие годы работы в Ираке мне не раз доводилось бывать в самом знаменитом городе древней Месопотамии — Вавилоне. Но подробности первой своей поездки в 1971 году я помню так четко и ясно, словно это было вчера. Этот огромный, сказочно богатый город — одно из семи чудес древнего мира, город, неоднократно упоминаемый и в Библии, и в трудах крупнейших писателей античности, — на протяжении многих веков настолько поражал во-ображение современников, что они не уставали говорить о нем снова и снова. Одни — с восхищением и признательностью, другие — с ненавистью и презрением. И, надо сказать, что для столь противоположных суждений имелись самые веские основания.

Геродот, посетивший город в 5 веке до н.э., когда тот находился уже на закате своей славы, утверждает, что «Вавилон был не только очень большим городом, но и самым красивым из всех городов». Греческий поэт Антипатр Сидонский (2 — 1 века до н.э.), перечисляя семь чудес света, заявил в одном из своих стихотворений:

Видел я стены твои, Вавилон, на которых просторно И колесницам; видел Зевса в Олимпии я, Чудо висячих садов Вавилона, колосс Гелиоса И пирамиды — дела многих и тяжких трудов...

А библейские мифы и предания, связанные с этим удивитель-

139

ным городом? Знакомые со школьных и студенческих лет легенды о строительстве Вавилонской башни и смешении языков, о роскоши и богатстве местных правителей, погрязших в грехе и разврате. Нетрудно заметить при этом, что создатели Библии в общем не слишком симпатизируют Вавилону. Больше того, припоминая опустошительные и кровавые нашествия халдейских царей в Палестину, библейские пророки обрушиваются на ненавистный город с обвинениями во всех мыслимых и немыслимых пороках и проклинают его. Таково, например, мрачное предсказание пророка Исая, содержащееся в Ветхом завете. «И Вавилон, — восклицает Исая, — краса царства, гордость халдеев, будет ниспровергнут богом, как Содом и Гоморра. Не заселится никогда, и в роды родов не будет жителей в нем. Не раскинет аравитянин шатра своего, и пастухи со стадами не будут отдыхать там. Но будут обитать в нем звери пустыни и дома наполнятся филинами; и страусы поселятся, и косматые

будут скакать там. Шакалы будут выть в чертогах их, и гиены — в увеселительных домах. Близко время его, и не замедлят дни его».

Случилось так, что в отличие от Ниневии — столицы ассирийской державы, также проклятой в Библии, — Вавилон хотя и испытал на своем веку всевозможные беды и напасти, но жил долго, до первых веков нашей эры. И его медленное угасание никак не вяжется с быстрым и драматическим концом, предрекаемым библейскими пророками. Этот дряхлеющий мудрый гигант, прежде чем окончательно сойти со сцены месопотамской истории, оставил вокруг столько россыпей своей богатейшей культуры, что ее воздействие ощутили все последующие поколения людей, обосновавшихся на раскаленных равнинах Южного Двуречья.

О Вавилоне вспоминаешь буквально на каждом шагу, находясь еще в Багдаде. В иракской столице, на одной из центральных улиц — проспекте Саадун, стоит, например, большой кинотеатр «Вавилон». Росписи на фасаде изображают сцены из древне-вавилонской жизни. Есть здесь и фешенебельный отель с таким же названием. В медном ряду знаменитого багдадского базара искусные ремесленники прямо у вас на глазах отчеканят по меди ставшие для них уже привычными сюжеты на историческую тему: вот в смиренной позе стоит перед богом Солнца — Шамашем царь-законодатель Хаммурапи — это копия рельефного изображения стелы из Суз; вот изящный двуглавый силуэт ворот Иштар, открывающих парадный

140

въезд в древний Вавилон, а там, на блюде из красной меди, — могучий, грубо вырубленный торс знаменитого вавилонского льва...

В любом книжном магазине Багдада можно купить путеводитель по Вавилону, где детально описаны его раскопанные и отреставрированные архитектурные памятники, перечислены важнейшие события из многовековой истории города, даны фотографии и планы его построек